

Джеймс Лис

СКВОЗЬ ТУМАН.

Джеймс Лис Сквозь туман.

<https://litres.ru/74132094>

SelfPub; 2026

Аннотация

Джеймс Лис «Сквозь туманы». Книга повествующая о реалиях загробной жизни. Попав в аварию, герой книги попадает в загробный мир, вернувшись, он рассказывает о своём путешествии в тот мир.

Содержание

Глава	4
ПРОХОДИМ ЧЕРЕЗ ТУМАН	6
СУДНЫЙ ЗАЛ	18
ПРИЗМАТИЧЕСКИЙ ПЕЙЗАЖ	35
ГОРА БОГА	52
ДОМ ОТДЫХА	83
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Джеймс Лис

Сквозь туман.

Глава

У меня нет никакого желания добавить что-либо к следующей истории, кроме краткого объяснения ее происхождения и моей связи с ней.

Был канун Рождества, и я был занят с однолетниками, лежащими на моем столе, когда незнакомец с духовного мира — незванный и без предупреждения — вошел в мою комнату так сказать, «пока дверь была закрыта». Его присутствие не побеспокоило меня, так как я уже принимал таких посетителей до этого; поэтому, указывая на место, я поприветствовал его и спросил, с какой целью он пришел.

Затем он объяснил мне желание, которое давно лелеял и спросил, не помогу ли я ему в его осуществлении. Как только его разум осознал тот факт, что он миновал могилу, им овладело желание найти какой-нибудь способ вернуться и рассказать, как ошибались люди в своих представлениях о потусторонней жизни. Сначала он боялся, что не в его силах нарушить гробовую тишину, но с опытом пришло знание о всемогуществе любви, которым можно распечатать уста смерти, доказательство чего было дано в нашем разговоре. Он хотел,

чтобы я написал то, что он должен диктовать, а затем представил его историю миру.

Как я мог ответить «Нет!» Разве я, как и все люди, не искал того знания, которое он мог дать? Поэтому я не колеблясь, взял свою ручку.

ПРОХОДИМ ЧЕРЕЗ ТУМАН

В моей земной жизни меня называли мизантропом. Это странное признание, чтобы прервать мое молчание, но теперь, когда последствия, к которым могла бы привести такая откровенность, уже миновали, у меня нет причин - даже при том, что у меня была воля - говорить с меньшей сдержанностью. Если требуется какое-либо извинение за приятную задачу, которую я взял на себя, пусть оно будет найдено в непрекращающемся плаче, о котором я упоминал в своем предисловии к этим страницам. Верно ли мое утверждение в этом отношении? Я предлагаю вам обратить этот вопрос внутрь себя. Спросите свое собственное сердце, и я с удовольствием приму ответ, просто добавив, что каковы вы читатели, таково и все человечество.

Простите мне одну-две фразы в необходимом объяснение себя, прежде чем я перенесу вас через границы потустороннего мира. Моя жизнь была омрачена последствиями какой-то предродовой болезни, о которой я ничего не знал, кроме призрака, который продолжал преследовать меня и лишил меня руководящей руки матери. Мой отец был непреклонным кальвинистом, образ жизни которого был так же тщательно устроен, как архитектурное возвышение, в то время как его рабочие детали так же строго требовались ему.

Он, как старейшина пресвитерианской церкви, с банковским счетом, достаточным для того, чтобы жить жизнью самой беспрекословной веры, провел все годы своего паломничества без тени упрека.

Мои брат и сестра не были так строго настроены, и их почти открытый бунт, по мере их роста, никоим образом не смягчал характера моего отца. Что касается меня, я не получил ни от кого из домочадцев никакого сочувствия. Никто никогда не говорил со мной о моей матери — ее имя, впрочем, упоминалось редко, — но я всегда чувствовал, что если бы она была жива, мы были бы друг для друга всем, но ее не стало, и я остался один!

Книги были моими единственными спутниками, а поэты — моими самыми любимыми. Мои самые ранние воспоминания связаны с религиозной детской школой, которой меня доверили, управляющих которой я научился ненавидеть за двуличие и лицемерие, которые они там обычно практикуют. С болезненным от природы умом, с тенью какой-то неизвестной несправедливости надо мной и с душой, страшась видимости обмана, я скоро научился ненавидеть тех, кто не колеблясь лгал в действии и молитве и потом умолял Бога даровать успех.

Эти вещи постепенно привели меня к тому, что я черпал все свое утешение из книг и питал сильное отвращение ко всякому общению с теми, кто был рядом со мной.

У меня был религиозный склад ума, но я предпочел ре-

шать его вопросы в свете собственного разума и простых учений Библии, насколько я мог их понять. Практическое знакомство с публичным культом различных сект только подтвердило мою первоначальную мысль о том, что во всех них гораздо больше формы и моды, чем твердого культа или духа, поэтому в этом, как и во всем другом, я научился полагаться только на себя одного, и доверять снисходительности и справедливости праведного Бога в отношении любой ошибки, являющейся результатом моего честного стремления исполнять Его волю согласно свету внутри меня.

Тем не менее, я имел товарищество и сладкое общение в своем богослужении следующим образом: ведомый каким-то влиянием, для меня не чем иным, как вдохновением, я оказывался в одном из дворов и переулков, столь многочисленных на востоке Лондона, где порок, бедность и нищета наиболее изобилуют; где помощь, хотя и срочно необходимая, встречается редко; где жители не сведущи в метафизике, но жаждут хлеба практического сочувствия. Среди таких отверженных и падших членов нашего общего человечества я всегда обнаруживал, что мне нужно проповедовать проповедь, которая была понятна во всех ее частях, евангелие, которое хотел бы провозглашать, семя, которое нужно было сеять, которое приносило бы плод в шестьдесят или сто крат.

Если церковь была права, а я в конце концов обнаруживал, что был не прав, то благодарности, которую эти несчаст-

ные выказали за то, что я проявлял к ним интерес, было бы достаточно, чтобы сделать муки моего наказания не только терпимыми, но и желанными. На Небесах будет много хороших людей, чтобы обеспечить счастье каждой души, которая получит доступ к этим золотым улицам. У меня не было голоса, чтобы петь, и если бы религиозные беседы на земле были прекрасными образцами того, что там было бы стандартом, то благодущие не имело бы для меня никакого очарования. Попав в такое общество, без какой-либо подходящей работы, это место не представляло бы для меня никакого интереса — никакой привлекательности. Это не было моим представлением о Небесах; следовательно, я этого не хотел.

Совсем иначе обстояло бы дело с бедняками, брошенными на произвол судьбы в другое место, ибо, если бы Церковь была права, разделение происходило бы больше по этим линиям, чем по каким-либо другим. Богатые строят храмы, оберегают их от финансовых затруднений, постоянно пользуются средствами благодати, делают их модными, обеспечивают все необходимое для поклонения Богу в красоте архитектуры и ритуалов, в то же время они щедро платят на жалованье служителям; всячески платя за свое спасение, справедливо и честно они должны получить свою награду. Но бедняки, которым приходится работать долгие часы, не имея ничего, что можно было бы надеть, едва надев один костюм, и это неприятно наводило на мысль запахами мастерской,

их вульгарными привычками и громкими песнями, для размещения которых выбеленный, плохо освещенный, насквозь проветриваемый миссионерский зал, был тесен.

По этой причине я всегда сочувствовал беднякам. Когда я размышлял об этом, мне часто казалось, что я был бы рад обнаружить, что жемчужные врата закрыты передо мной, если бы таким образом я мог быть небольшим утешением для множества людей в аду. Это было безнравственно — кощунственно — чувствовать себя так, как однажды сказал мне викарий; но это было правильно — это было как часть моего несчастного недуга, и викарий счел бесполезными попытки изменить мое мнение.

Я никогда не мог понять праведности бедности здесь и проклятия там; или логическая последовательность богатства здесь и спасения там. Это не соответствовало моему чтению Библии или учению Иисуса в притче о богаче и Лазаре, как я понимал английский язык. Возможно, это был недостаток моей способности к аналогии, но если так, то я придерживался иллюзии.

Однажды вечером, когда я направлялся навестить этих беззаботных людей, меня настигла великая перемена. Я шел по людной тропинке, предаваясь созерцанию огней и теней, видимых на лицах прохожих, когда услышал крик и увидел среди лошадей на дороге ребенка, находящегося в смертельной опасности. Он был недалеко, поэтому, прыгнув вперед, не думая ни о чем, кроме как о его безопасности, я потянулся

и вытащил его из опасного положения, затем повернулся и
Что-то тронуло меня. Я крепче обнял мальчика и шагнул вперед. Шум прекратился, машины и улицы исчезли, как будто какой-то великий волшебник взмахнул своей палочкой, и мрак рассеялся, и я лежал на травянистом склоне в заколдованной стране.

Не все изменения касались нашего окружения. Мало кто был бы очарован оборванным ребенком, которого я бросился спасать, с его босыми ногами, спутанными волосами и немытым лицом; но ангел, которого я нашел лежащим на моей груди, привел бы художника в восторг. Что касается меня, то в это мгновение я сменил свой утренний костюм на свободно развевающийся халат, который каким-то образом казался частью меня самого; и хотя я был полностью уверен в своей собственной индивидуальности, мне было любопытно узнать, что же произошло и каким образом в промежутке одного единственного шага была осуществлена такая полная трансформация.

Парень, хотя и явно сознавший перемену, смотрел мне в лицо спокойными, смеющимися глазами, в которых не было и следа страха; может быть, он ждал от меня каких-то объяснений, но мне самому это было нужно. Потом он уткнулся головой мне в плечо и уснул. Я сидел и нянчил его, пытаюсь ответить на единственный вопрос, который занимал меня: «Где мы?»

Я полулежал на траве того, что можно было бы назвать

зрительным залом огромного, но естественного амфитеатра, а арену занимала толпа, которая, казалось, была занята приемом незнакомцев, которых они приветствовали и поздравляли. Если бы я только мог это понять, сцена была бы столь же приятной, сколь и блестящей, но при данных обстоятельствах мои чувства были скорее любопытными, чем признательными.

Это напоминало представление тщательно продуманной картины, описательной программы которой у меня не было, так как я не знал ни места, ни действующих лиц, ни цели. Это было все, что я мог понять: - Там были представлены два класса лиц - одни, очевидно, местные жители, одетые в одежды почти всех оттенков цвета, с которыми я был знаком, и некоторые подобные, которых я никогда раньше не видел, и поэтому не имеют средств, чтобы заставить тебя понять.

Другой, гораздо меньший из двух, навел меня на мысль о незнакомцах, которые, только что прибыв, нуждались в помощи и содействии, столь щедро предложенных. Откуда они взялись, спрашивал я себя? На это мне удалось найти несколько удовлетворительный ответ. Передо мной лежала равнина, по которой постоянно приходили и уходили люди; на дальней его стороне я увидел лежащую густую гряду тумана, очертания которой были нарисованы смело, как бы ограниченными определенными рамками. Атмосфера была настолько необычайно чистой, что, хотя туман был примерно в двух милях от того места, где я лежал, я мог легко разли-

чить, что они вошли на равнину с этого направления.

Теперь я сильно заинтересовался чем-то, что сбивало с толку мои способности определить, было ли это реальностью или оптическим обманом. Я заметил, что пестрый цвет платьев тех, кто шел от нас к туманам, постепенно тускнел, пока вдали не стал виден один сплошной серый оттенок; и наоборот, как они, вернувшись подходили ближе, первоначальные оттенки были так же таинственно восстановлены. В конце концов мне показалось, что этот пар оказывает какое-то волшебное воздействие, или что равнину с полным правом можно назвать заколдованной.

В тот момент, когда я увидел туман, я ощутил холод, пробежавший по мне, не из-за какого-либо изменения температуры, которое было теплым и приятным, а из-за того, что человек испытывает при мысли о том, чтобы покинуть уютный огонь и укутаться пронзительным теплом с противове-сом туману осени или ранней зимы. Я не могу сказать, что вызвало это — возможно, это была симпатия к тем, кто как я видел, выходил из такого окружения; ибо многие были так подавлены, что едва ли имели силы добраться до открытой равнины; в то время как для некоторых наблюдатели погрузились в туман и пронесли их; других несли через всю равнину, прежде чем они смогли встать на ноги.

Как долго я был занят таким образом, я не могу сказать, но вдруг мое внимание привлек кто-то, стоящий рядом со мной, и я встал, впервые почувствовав, что склон, на кото-

ром я сидел, был занят многими, очевидно, посторонними людьми, такими же, как и я. Это, однако, не так интересовало меня именно тогда, как прежде; все мои мысли были сосредоточены на человеке, стоявшем рядом со мной, в надежде, что он сможет решить проблему, столь озадачивающую меня.

Он угадал мою цель прежде, чем я успел сформулировать вопрос, и протянув руки к еще спящему мальчику, сказал: «Сюда идет тот, кто ответит на все твои вопросы, мой долг взять мальчика».

— Взять мальчика? Я ответил, едва зная, должен ли я его выдать: «Где? Дом?»

«Как мы вернемся? Как мы сюда попали? Где мы?»

«Ты должен потерпеть немного, — ответил он, — тогда ты все узнаешь и поймешь».

— Но, скажите, это бред или сон?

"Нет! Ты обнаружишь, что мечтал; на теперь ты проснулся.

«Тогда, пожалуйста, скажите мне, где мы и как сюда попали; Я так озадачен, узнав об этом».

«Ты находишься в стране неожиданностей, но тебе нечего бояться, это не принесет тебе ничего, кроме отдыха и компенсации сил».

— Это только увеличивает мои трудности, — сказал я умоляюще.

— Но только что в Лондоне была ночь, и я спас этого

мальчика от наезда. Затем все исчезло, как вспышка, и я обнаружил, что мы здесь. Где же это место, как вы его называете?

«Это Земля бессмертия»

"Какая земля! – Я мертвый? - Как?"

Я чуть не отступил на шаг, когда до меня донеслось ошеломляющее известие, но в его поведении было что-то настолько обнадеживающее, что я инстинктивно вернулся и сжал руку, которую он протянул, чтобы приветствовать меня. Среди всех теорий, с помощью которых я пытался разгадать тайну, эта ни разу не пришла в голову — если бы она возникла, она бы ни на мгновение не рассматривалась, а неожиданное окружение побудило бы меня отвергнуть ее. Меня поразила беспрекословная вера, с которой я принял его заявление, в то время как его сочувственное спокойствие абсолютно исключало какое-либо чувство беспокойства по мере того, как поразительная истина была полностью осознана.

"Нет! Не мертв!" — ответил он после минутной паузы.

Ты когда-нибудь видел, чтобы мертвецы разговаривали и удивлялись? Когда ребёнок уходит из дома в школу или из школы, чтобы принять участие в более серьезных жизненных событиях, — когда девушка уходит от отца к дому мужа, имеешь ли ты привычку говорить, что они умерли? Конечно нет! Ты также не прав, предполагая, что умер после того, как прошёл через изменение, которое настигло тебя».

«Но ты совершил безошибочный выход из одного мира и вход в другой; поэтому, сейчас ты жив для этой новой жизни, и мертв для того, что оставил позади».

«Теперь тебе будет предложено расширить свои концепции и идеи; так вот, как ваши дома на земле являются отдельными жилищами, а народы образуют владения разных царей, так различные государства и миры в этой жизни становятся многими обителями во вселенском царстве нашего Бога Отца. Следовательно, ты только мертв для земли, здесь школьник умирает и обучаясь становится как ученый, и впоследствии обладает большой силой учителя; или как девушка перестает быть жительницей своего места и становится гостьей». — Я не понимаю тебя, — ответил я.

«Позволь мне дать тебе набросок притчи, над которой ты можешь поразмышлять, пока не будет послан кто-то другой, чтобы дать тебе более ясную информацию. Детей уговаривают спать на земле пением детских песенок, сказочные герои которых становятся в сознании маленьких слушателей историческими персонажами, пока реалии жизни не развеют иллюзию. Так и дети более крупного роста, вступив в эту жизнь, обнаруживают, что и они усыплены духовным сном выдумками кормилиц их душ. Пробуждение к истине этого факта превращает эту страну в страну сюрпризов, как ты обнаружишь в дальнейшем. А теперь я должен оставить тебя и отвести нашего младшего брата в детский дом, где ты скоро встретишься с ним снова.

С любезным приветствием он удалился, и я остался один, чтобы обдумать все, что он сказал. Его притча была чревата откровением о том, что только будущее может разумно разворачиваться, но одно было очевидно — я сделал необратимый шаг — разгадал великую тайну; но что я узнал? Я просто ждал, зная, что акт умирания был совершен бессознательно. Каков будет результат? Что бы это ни было, я не мог теперь вернуться; Я должен был встретить свою судьбу. В одном меня уверили: бояться нечего. Я даже не беспокоился - я был доволен. Так что я только ждал и размышлял.

ГЛАВА II

СУДНЫЙ ЗАЛ

Мои размышления носили примерно такой характер: Страна сюрпризов, не так ли? Да! И почему он не сказал еще и о земле откровения? Как давно я здесь? Час - день - месяц? Я не знаю. Судя по моему представлению о времени, я только что предпринял попытку спасти мальчика; но судя по откровению, я чувствую себя так, как будто я был здесь много лет.

Как странно, что я не знаю, как я ушел! Я не падал - не чувствовал боли - не было признаков выхода из обморока - как это было? Как много людей омрачают свою жизнь страхом, порожденным страхом перед смертью; скольким учителям нравится размышлять об ужасах того часа, когда душа стоит лицом к лицу со смертью? Насколько сильно отличается мой опыт!

Интересно, найду ли я среди всех сюрпризов этой жизни возможность рассказать об этом: «О, Боже! Я еще не знаю, где Ты и кто Ты; но откровение, данное мне, полно любви и яркого обещания, поэтому я чувствую, что всё это исходит от Тебя и наполняет мою душу надеждой. Я еще не знаю, спасен я или погиб; но по милости Твоей услышь меня и по состраданию Твоему к сынам человеческим позволь мне, если возможно, каким-то способом, которого я не знаю, каким-то

методом, который Твоя любовь может изобрести, еще раз заставить мой голос достичь смертного состояния и помочь понять бремя заблуждений, лежащих на плечах моих ближних. Ты знаешь, о мой Боже, слепоту и невежество тех, кто теперь заявляют, что ведут Твоих детей. Многие не вкусили Твоей великой любви; многие не ощутили Твоей благодати; многие бредут в темноте, ослепленные человеческими традициями; многие ушли из загона Твоих овец. Песни Сиона были забыты в жадности к славе, богатству и власти; и усталые паломники бредут домой со вздохами, стонами и слезами, отбивая такт в ритме своего марша. Если для меня есть какая-то радость, о Боже, Отец мой, я готов теперь лишиться ее. Если наказанием, которое я должен заплатить, будут муки в аду, я готов вынести их, если по Твоей милости Ты пошлешь меня обратно, с силой сказать правду о Твоей неизменной любви и снять бремя сомнений с тех, кто ищет не зная Тебя».

Разве неправильно с моей стороны сказать, что я не знаю, где и кто Бог? Возможно так! Но это честно, и я не могу не думать, что честность — это правильно. Все вокруг меня так противоположно тому, что я ожидал, я боюсь доверять всему, что знал; и мучительное стремление к тому, чтобы мои товарищи знали истину, насколько я ее вижу, заставляют меня дышать этой молитвой. Если бы какая-то сильная рука могла хотя бы на мгновение сорвать завесу и приказать множеству людей на земле увидеть будущее таким, какое оно есть на самом деле, каким откровением это было бы! Как бы

это превратило их вздохи в песни, развеяло бы все сомнения в вечной любви Бога и провозгласило бы Евангелие, о котором взывают все сердца. Для земли это было бы тем же, что и для меня; Меня, которого не раз, или дважды, или трижды предупреждали, что жизнь, которую я вел, может встретить только осуждение у суда Божия; и все же я обнаружил, что первыми словами, обращенными ко мне, были слова надежды и ободрения: «Мне нечего бояться», и возмездия остаются бесконечными величинами, чтобы вести грешника к спасению. Что могут подумать такие учителя, когда они пробудятся к знанию истины, которую я нашел здесь?

"Здесь! Но где «здесь»? Это вопрос, на который пока нет удовлетворительного ответа. Это рай? Нет; конечно нет! А если так, то насколько странно это отличается от арфирующей, поющей, увенчанной коронами толпы, которую ожидает найти Церковь. Нет, это не так! Нет! Все окружение так же не способно на такую интерпретацию. Каким же тогда может быть состояние этого места? Возможно ли, что все-таки существует промежуточное состояние? Возможно и так! Что над гребнем этих холмов может стоять трон суда, к которому я буду созван. Я не думал об этом; но предложение исходит без следа страха, слова, которые я услышал, наполняют меня надеждой, которую я уверен, никогда не обмануть. В чем бы ни заключалась проблема, я согласен узнать ее при обычном ходе событий, а пока я отдохну».

Распространено мнение, что наш вход в духовный мир бу-

дет встречен друзьями и родственниками, которые предшествовали нам, и во многих случаях это так; но как ни странно, даже после того, как я узнал природу произошедшей со мной перемены, мысль о такой встрече никогда не приходила мне в голову, пока я не почувствовал, а не услышал, как кто-то зовет меня по имени. Я повернулся и увидел молодую женщину, одетую в изящнейшее розовое платье и спускавшуюся ко мне с холма. Я не был уверен, но подумал, что ее лицо имело сходство с тем, которое я знал в давние времена, за исключением того, что старые борозды заботы и нужды превратились в линии и изгибы красоты. Я давно забыл ее, но она помнила меня, и с глазами, сияющими от приветствия, и руками, протянутыми, чтобы сжать мои, она была первой из всех, кого я знал, чтобы приветствовать меня.

«Тысяча приветствий», — воскликнула она, сжимая мои руки; «Я только что получила известие о твоём приходе; я первая тебя встретила?»

— Да, Хелен, первая из всех, кого я знаю.

«Я рада этому; Я всегда надеялась, что так оно и будет. Я наблюдала, молилась и ждала этого; это все, что я могу сделать, чтобы отблагодарить тебя». — Отблагодарить за что? — удивленно спросил я.

«Мне незачем говорить тебе это, — ответила она. «Наш Отец знает, и Он воздаст тебе».

В тот момент я обнаружил, что небо — это такое же состояние души, как и местность, и настоящая дружба — вели-

кий фактор в достижении этого состояния. Лишь незадолго до появления Елены я почти вполне убедился, что еще не на небесах, но ее появление изменило мое решение. Это принесло мне такое непреодолимое чувство радости. Я был так доволен, что и представить себе не мог, что за этим последует еще большее счастье; и это произошло из-за присутствия того, кому я был лишь несовершенно известен на земле.

Ее история, насколько мне было известно, не была длинной. Ее мать умерла от голода, пытаясь прокормить троих детей и больного мужа за счет работы поденщицы и скудного заработка Хелен на спичечной фабрике. Девушке было всего пятнадцать лет, когда все бремя этого дома легло на ее плечи в более тяжелой форме значительно уменьшившихся средств. Она храбро боролась, изо всех сил стараясь удержать волка голода в страхе и спасти дом от угрожающего разрушения. Но плату за сватовство легче исчислять в медяках, чем в золоте, а те небольшие прибавки, которые она могла заработать другими способами, были лишь каплей в океане их требований, поэтому она пала в пылу битвы, сокрушенная и с разбитым сердцем.

Я узнал ее историю незадолго до ее смерти и позвонил, чтобы увидеть ее в больнице, где она лежала. Несколько дней я сидел по полчаса или около того, пытаясь утешить ее заверением, что о детях позаботятся, когда ее заберут, потому что неуверенность в их благополучии была самой острой занозой в умирающей. Она была глуха к мольбам миссионе-

ра приготовить ее душу к смерти. - Она не боялась этого. - Не заботилась о себе. Она хотела знать, что дети будут в безопасности, и когда я дал ей торжественное обещание, она успокоилась и умиротворенно закрыла глаза.

Ее личную связь с этими детьми я давно забыл, так как наше знакомство было таким коротким; но в первые минуты этого воссоединения я почувствовал, что нашел одно из тех утешений, которых давно искал, — любовь сестры.

— Ты удивлен, что я должна быть первой, кто тебя встретит? Спросила она.

«Я едва могу сказать; сюрпризы удваиваются друг на друга так быстро, что я начинаю думать, что они здесь естественны».

— Если не удивлен, то точно рад, что снова встретил меня?

«Да, Хелен! Более чем рад, — ответил я, — как для тебя, так и для себя. Ты была здесь счастливее, чем ожидала, не так ли?»

"Да! Намного счастливее; и казалось, счастье всегда усиливали твои заверения, что так оно и будет. Однажды я почти испугалась, что ты ошибаешься; но когда я убедилась, что ты был прав, я еще больше обрадовалась ради тебя».

«Мне всегда казалось, — ответил я, — что все, что делается ради любви, не может быть неправильным. Я не заявлял, что знаю много о Боге, и теперь я сознаю, что знаю еще меньше, чем я думал, и все же я не изменил своего представ-

ления».

«Потому, «Бог есть любовь», Фред; это все, что мы знаем о Нем. «То, что рождено от любви, также рождено от Бога». Пойдем со мной домой, и позволь мне рассказать тебе, что я узнала о Нем с тех пор, как пришла сюда».

— Еще нет, — ответил я. -- Ты не должна забывать, что я только что прибыл и не знаю, куда мне теперь идти.

«Ты узнаешь все об этом, когда пойдешь дальше», — сказала она, собираясь уйти. «Пойдем со мной сейчас».

«Но разве мне не с кем увидеться? Разве нет...»

Она увидела растерянность и неуверенность, которые должны были быть так ясно видны на моем лице, на что она улыбнулась и спросила:

— Это место суда ты ищешь?

"Да! Ибо в настоящее время я ничего не знаю ни о своем положении, ни о том, куда я должен идти.

«Фред, выкинь из головы мысли о земле как можно скорее. Ты уже прошел через зал суда и несешь его приговор в том платье, которое носишь».

«Прошел? Где? У меня нет этих знаний!»

"Возможно нет; но суд лежит там, в тех туманах, из которых ты видишь много людей, выходящих на равнину, — и говоря это, она указала в том направлении, на которое прежде было обращено мое внимание.

— Это я тоже так пришел? Я спросил.

"Да; это единственный путь войти в эту жизнь!»

«Я ничего об этом не знал, ничего не сознавал, пока не очутился лежащим здесь, где мы сейчас стоим».

— Это вполне возможно, поскольку твой переход был одним из тех внезапных переходов, которые так быстро вводят тебя в это состояние, что ты не оставляешь сознания о событии. Я часто думаю, что это большое благословение — прийти таким путем».

"Почему? Я не утомляю тебя своими вопросами?"

"Нет. Я буду рада рассказать тебе как можно больше, поскольку я не была здесь так долго, и у тебя будет много вопросов, на которые я не могу ответить, и тебе придется задать их другим, которые знают больше меня. "

«Я чувствую, что ты как раз тот учитель, который мне сейчас нужен, поскольку все так отличается от того, что я ожидал. Я как ребенок, которому нужно всему учиться».

«Я буду рада рассказать тебе, что я могу; но ты не должен говорить об усталости, потому что никто, носящий наши цвета одежды, не может устать.

— Цвета одежды?, — повторил я, не понимая, что она имеет в виду.

"Да. Вскоре ты поймешь, что цвет платья указывает на состояние его обладателя; но ты не можешь понять этого, пока не увидишь это сам».

— Но скажи мне, почему ты считаешь, что лучше всего войти в эту жизнь так, как пришел я?

«Если ты сочтешь вход души в эту жизнь скорее рождени-

ем, чем смертью, а предшествующую ей болезнь более или менее продолжительным трудом с соответствующим последующим прострацией, то ты лучше меня поймешь. Смотри, — продолжала она, указывая на туман, — сколь многим приходится помогать, а некоторых даже нести в жизнь; и некоторые делают паузу, чтобы набраться сил, чтобы выйти вперед, и скажи мне, не кажется ли более предпочтительным прийти так, как ты это сделал?

«Если рассматривать это в таком свете, конечно, так оно и есть; но ты знаешь, что нас учили смотреть на это с другой стороны.

«Это большая ошибка, которая должна быть исправлена здесь. Человек практически считает земную жизнь главным, а не второстепенным условием существования. Как духовное существо, его следует приучать смотреть на все с духовной точки зрения, подобно тому как школьника поощряют рассматривать свои занятия в свете того, что они впоследствии позволят ему совершить. Земля — это не все и не завершение развития, а скорее, начальная стадия, за которой следует следующее продвижение вперед, а ошибки низшего состояния должны быть искоренены здесь, прежде чем мы сможем занять те позиции, к которым мы должны быть приспособлены, чтобы войти в высшее по прибытии; это, однако, будет более убедительно показано для тебя в настоящее время.

«Мне не терпится услышать что-нибудь об этом зале суда. Если я прошел через это бессознательно, как я должен был

сделать, как может быть вынесен праведный приговор человеку в таком состоянии?»

«Идея судебного зала — еще одно недоразумение из-за буквального толкования того, что задумывалось лишь как параболическая метафора».

— Ты имеешь в виду, что я ничего о нем не знаю по той простой причине, что такого места не существует? Спросил я.

«Поскольку обычный суд и приговор личного судьи, это фикция; приговор суда Божьего более справедлив и безошибочен, чем это могло бы быть, и не требует никаких доказательств, кроме тех, что предлагает подсудимый. Текст, который висел над моей кроватью в больнице, представляет собой закон, на основании которого вынесено это решение и на который не дается ни апелляции, ни удовлетворения: «Не обманывайтесь; Бог поругаем не бывает, ибо что посеет человек, то и пожнет».

Справедливость не может быть ошибочной, поскольку ни один человек не призван давать показания против своего ближнего. Когда душа соприкасается с этими туманами, она отделяется от плоти и лишается всякого ложного и кажущегося характера внутреннего состояния, который мог быть принят на земле, независимо от того, при каких обстоятельствах и с какой целью оно было создано. Функция туманов состоит в том, чтобы растворять все, кроме духовного. Там сняты все печати жизни, открывается все сокрытое, книги

раскрываются настежь, чтобы оправдать или осудить. Было бы так же разумно ожидать, что строитель скажет, нанося последние штрихи на коттедж: «Это должен был быть собор, и я думаю, что это так»; или для фермера, чтобы сказать своим людям, «это поле репы должно было быть пшеницей, и я думаю, что это так; иди и пожнешь его», и здесь все найдут свою веру в преображении, что касается человека, когда он чувствует холод разложения на себе, думать, что приняв любое кредо или систему верований, он может в этот момент страха искоренить зло своей жизни и получить открытый вход в вечную радость. Нет, Фред! По мере того, как смертное отпадает, из духа вырастает естественная оболочка, соответствующая его жизни и характеру, причем цвет определяется действиями и мотивами прошлого, а не убеждениями и верованиями, которых он придерживался, или профессиями, которыми он обладал, - и этот цвет есть праведный приговор, вынесенный самой себе душой в силу неизменного закона Божия» и каждый получает либо обильный вход в вечную радость, либо Нет, Фред!

— Значит, вы здесь подчиняете веру делам?

«Дела для веры — это то же самое, что дух для тела — для него это жизнь. «Вера без дел мертва», поэтому вера может проявляться только делами. Учение Иисуса: «Поскольку вы сделали это», не все поверили ему, и ничто, кроме любви и благородных дел, не может войти в эту жизнь вместе с душой; все формы веры теряются в тумане».

«Кто же тогда может быть спасен?»

«Мы надеемся, что каждый отдельный ребенок в конечном итоге будет спасённым, и я думаю, что если кто-то будет исключен, это будет полностью его вина».

"Почему так?"

«Поскольку этот суд перехода не является окончательным, он лишь определяет, какое положение должна занять душа при вступлении в эту жизнь; у души все еще есть сила возвысить себя, а также помощь других, которые всегда работают над тем, чтобы поднять тех, кто находится в более низких условиях. Таким образом, приговор не навечно и не мстителен; он испытательный и исправительный ».

— Почему, Хелен, ты хочешь сказать, что ада нет?

«Ни в коем случае; у нас есть адские муки гораздо худшие, чем может представить твоё воображение, но они являются лишь очистительными условиями и были устроены в полноте любви нашего Отца, как ты скоро поймешь».

«Мне повезло найти такого учителя, который исправляет мое невежество», — сказал я. «До того, как я увидел тебя, я чувствовал себя ребенком в школе, образованием которого, к сожалению, пренебрегали; но теперь кажется, что все, что я знаю, неверно и должно быть искоренено».

«По ходу дела ты обнаружишь, что для всех исправлений были сделаны все необходимые меры», — ответила она. «Изнания легко приобретаются теми, кто хочет учиться. Это активная жизнь, в которую ты вступаешь; у каждого челове-

ка, способного к работе, есть определенная миссия, так что все мы «работники вместе с Богом».

«Если приговор выносится только по делам (исходящим от его внутреннего состояния), то кто те, кто получает обильный вход, столь щедро обещанный верующим?» Спросил я.

«В этом суждении, — ответила она, — каждый поступок, мотив и сопутствующие обстоятельства в жизни человека имеют свое законное значение и оцениваются по своей стоимости в фунтах стерлингов, и соответственно устанавливается баланс. Акты милосердия, происходящие из целесообразности, измеряются достижением желаемой цели и не оставляют баланса на счету жизни; щедрая филантропия, дарованная в политических или корыстных целях, вознаграждается полученным одобрением; строительство и пожертвование больницы или церкви за счет богатства, накопленного в выпивке или подобном трафике, уравнивается разрушенными жизнями и разрушенными домами его многочисленных жертв. Самоотверженная любовь для облегчения боли, страданий и нужды, совершаемая не для того, чтобы показаться людям, а из сострадания к слабому и несчастному брату; мотив, который побуждает человека давать то, что ему самому может понадобиться, уменьшить страдания другого; терпеливое перенесение несправедливости, пока Отец не решит воздать; милосердие, которое поднимается на защиту слабых против сильных за счет поношения и позора; сердце, которое отказывается осуждать, когда видимость черна, по-

тому что все обстоятельства неизвестны; человек, который, будучи ранен, вступает в бой, чтобы смягчить удар правосудия, потому что он тоже хотел бы быть прощенным, - это те, кто в этом суде поднимают головы и слышат "молодцы". Это делает всех людей равными в своих преимуществах и добавляет соразмерную ответственность там, где было доверено богатство или власть».

— Ты бы научила людей отказываться от богатства? Спросил я.

«Конечно, нет; но мы хотели бы научить их тому, что каждый дар содержится только в управлении своей жизнью, и что они будут призваны дать за неё отчет в тумане. Наш Отец поместил на земле достаточно, чтобы восполнить нужды и дать утешение каждому из Своих детей; но сильные отняли долю у слабых, так что роскошь и голод умножились. Это правильно? Нет! И на суде довод о том, что богатство было приобретено с честью, не будет иметь силы, поскольку Бог желает, чтобы оно также было раздано с любовью. Возьмем одного такого человека, который, разделив свое имущество между своими детьми, увидел, как старший отнял долю у младшего сына; думаешь ли ты, что отец был бы готов благодушно допустить несправедливость? Будет ли Бог менее справедлив, чем мы требуем от человека? Конечно нет!

«Предположим, кто-то очень хотел сделать хорошую работу, но давление обстоятельств помешало. Как это будет расцениваться?»

«Это тебе сейчас более подробно объяснят другие, а пока я могу частично ответить на этот вопрос, рассказав об одном из первых приемов, на котором я присутствовала после моего прихода».

— Значит, вы устраиваете приемы на небесах?

"Да. Хотя они несколько отличаются от ваших, земных. Когда друзья пересекают границу, чтобы привести паломника домой, мы называем это приемом. Я имею в виду один из тех обильных приходов, о которых ты говоришь, где Омра пошёл приветствовать брата.

— Кто такой Омра?

«Ответственный за эту область и высший дух, которого я видела, кроме

Иисуса."

— Ты видела Его, Хелен?

"Да однажды; но Он был на расстоянии от меня, поэтому я не говорила с Ним. Но я хотела бы рассказать тебе о другом приеме. Человек, которого мы встретили, был жителем дома работников, но его встретили тысячи духов».

— Из дома работников?

"Да! Я никогда не забуду эту сцену. Когда Омра приблизился к постели, закрытые глаза увидели его, и пришедший святой воззвал к своему другу, спящему на стуле рядом с ним: «Джон! Джон! Я пришёл теперь; кто-то пришел за мной! Джон! Разве ты не видишь, как светло в комнате? Смотрите, ангелы! И-и- Нет! Не Иисус! Не для меня! То-

гда бедное слабое тело, которое наполовину приподнялось от волнения, упало; и наблюдатель нашел его холодным, когда проснулся, потому что дух сбросил свою плотскую завесу.

«Когда душа вышла, Омра обнял его и поприветствовал. Затем растерянным, почти испуганным взглядом мужчина посмотрел на толпу, столпившуюся вокруг него, и повернувшись к Омре, пробормотал:

«Это – это – не – для меня! Это - ошибка! Ты - не - пришел за мной?»

— Да, брат мой, — ответил Омра. «мы не делаем ошибок; теперь они все позади тебя».

— Но — но — это не может быть для меня. Я - я не - был хорошим человеком! Мой господин Ангел- это должно быть ошибка! Что я сделал?"

«Накормил голодных, одел нагих и прислуживал больным», — ответил Омра.

«Ах! Теперь я знаю, что ты ошибаешься. Почти всю свою жизнь я был в работе. У меня вообще никогда не было денег на это. Я знал, что это не для меня.

«Однажды ты отдал свой обед голодному парню». — сказал Омра.

— Ты отдал пару сапог, которых тебе было очень жалко, бродяге; ты отдал свои очки бедной старухе, которая не могла читать, и оставил себя в таком же состоянии; ты сидел рядом со старым товарищем, когда он был болен, и вылечил его своим присутствием; ты был терпелив в своей вынужденной

бедности и поощрял других надеяться на лучшее и быть довольным. — Разве нет?

— Ну да, я немного посидел рядом со старым Биллом; но он сделал бы то же самое для меня, если бы я этого захотел. Я мало что знаю об остальном».

«Но такие дела никогда не забываются у нас, и есть много вещей, которые ты хотел бы сделать, если бы у тебя была сила. Такая честная воля всегда принимается Богом, как если бы дело было успешно совершено, и потому, видишь ли, мы не ошибаемся».

«К этому времени его отнесли на некоторое расстояние от его тела, и он надел свои новые одежды, в которых его торжественно сопровождали в один из многих домов - особняков, приготовленных для таких, как он».

«Какой сюрприз для него, — заметил я, должно быть, он был таким великим, какой же будет мой собственный дом. Но где эти дома, о которых ты говоришь? Я еще не видел ничего в форме здания».

«Они на гребне холма; ты не был на вершине? "Нет."»

«Ну, тогда пойдем; это позволит тебе повернуться спиной к туманам, и я покажу тебе страну в другом направлении.»

ГЛАВА III

ПРИЗМАТИЧЕСКИЙ ПЕЙЗАЖ

Я не являюсь — или не был в прошлой жизни — энтузиастом. Ни один человек, каким бы изобретательным он ни был, не стал бы использовать такое слово для описания моего характера. Холодный, тупой, бесстрастный, прозаический, флегматичный, даже глупый - многие сочли бы подходящим эпитетом; а восторженных – никогда! Такой дух рождается из живого воображения и понимания, но у меня не было этого, и меня постоянно уверяли, что я ничего не знаю о током; как же тогда я мог быть восторженным? Это, несомненно, было верно в отношении прежней жизни, но дает ли мне это право сказать, что так же обстоит дело и в этой? Так ли незначительны изменения в характере и темпераменте; неужели мы настолько похожи на себя прежних, просто перенесенных в новые поля и окружение, что все, что было верно в прошлом, в равной степени верно и в настоящем? Это были вопросы, которые инстинктивно возникали у меня в голове, но у меня не было ни сил, ни знаний, чтобы ответить на них. Я вполне осознавал, что произошли некоторые изменения, хотя были ли они постоянными или нет, у меня пока не было возможности установить; дальнейший опыт мог бы показать, что они были вызваны на данный момент странными обстоятельствами, обрушившимися на меня. Я

например, в прошлом отнюдь не был любознательным, но с тех пор, как оказался здесь, я только и делал, что спрашивал: как? когда? откуда? или почему? от двух единственных друзей, с которыми у меня была возможность поговорить. Были ли внутренние порывы постоянными или нет, у меня не было возможности установить в настоящее время; дальнейший опыт мог бы показать, что они были вызваны на данный момент странными обстоятельствами, обрушившимися на меня.

Этот оттенок размышлений пронесся в моем уме, в то время как мои более активные чувства наслаждались великолепием вида, который я увидел, достигнув вершины склона. Будучи вполне довольным своим первоначальным положением и имея еще множество вопросов, которые нужно было задать, я ни в малейшей степени не желал переезжать, даже несмотря на то, что мне рассказывали о больших красотах страны, до которых я мог так легко добраться. Когда Хелен предложила, если бы выбор был предоставлен мне, я бы отложил наш отъезд или, что более вероятно, двинулся бы в другом направлении, к туманам. Она, казалось, прекрасно поняла мое желание и сказала:

«Вполне естественно, что ты хочешь пойти по этому пути, но в настоящее время это было бы нехорошо для тебя». "Почему?" Спросил я.

— Влияния сейчас несколько неприятны. ответила она: «Тебе будет трудно вернуться; возможно позже, когда при-

тяжение исчезнет, ты не возражаешь против того, чтобы ты пошел посмотреть на вновь прибывших»? — Какой аттракцион с притяжением? Спросил я.

«Притяжение твоего тела. Когда растворение и перемещение происходит так внезапно, как в твоём случае, магнетическая связь не прерывается полностью за короткое время, и душа испытывает почти непреодолимое желание вернуться обратно к телу. Тот же опыт общий для друзей еще в теле.

«Много раз они говорят у гроба — „До свидания! И все же они задерживаются у дверей,

И они разрывают себя на части и в них

Любовь плачет и умоляет: «Вернись еще на мгновение!»»

Именно для того, чтобы разрушить это влияние и освободить тебя, я сначала попросила пойти со мной ко мне домой; тогда возврат на землю, это было слишком сильно для тебя, но теперь ты можешь это сделать, так что мы пойдем».

— Все ли лежащие здесь чувствуют это притяжение? Спросил я.

"Да; но их убеждают пойти посмотреть как можно скорее».

«Я вижу, что некоторые вообще не задержаны в этом».

"Нет. Они устали от тела и с готовностью расстаются с ним, так что ничто не мешает им немедленно отправиться домой».

«Как долго обычно длится влечение?»

«Это значительно варьируется, поскольку часто обстоятельства, над которыми душа не может контролировать, используются для предотвращения желаемой свободы; например, многие сдерживаются горем друзей еще долго после того, как влияние тела преодолено».

"Как это может быть?"

«Я говорил тебе, что любовь — это величайшая сила, которую мы знаем; это осознается душой, как только она покидает тело, и возмущение друзей имеет, следовательно, симпатическое притяжение, слишком сильное, чтобы сопротивляться ему; оно образует якорь, который привязывает дух к земле. Иногда нам очень трудно противодействовать пагубному влиянию горя, которое любовь, несомненно, побудила у тех, кто потерял близких, сдерживать, если бы они могли хотя бы раз стать свидетелями того эффекта, который она производит».

«Но разве дух не вынужден уйти?»

"Нет! Мы не применяем силу в этой жизни ни при каких обстоятельствах. Каждый человек сохраняет возможность использования своей свободной воли, осуществление которой неизменно приводит к вознаграждению или наказанию».

"Что ж! Прежняя жизнь мало привлекательна для меня, и у меня нет желания возобновлять ее на тех же условиях, поэтому мы поступим так, как ты желаешь, — вперед».

Мы достигли вершины склона, и я стоял, очарованный

открывшейся передо мной сценой. От подножия пологого склона, покрытого травой самой богатой, самой нежной зелени, которую я когда-либо видел, со всех сторон простирался пейзаж, одетый в большее количество оттенков цвета, чем я был в силах оценить. Я смотрел на небеса Италии, прекрасные и спокойные, но безоблачное величие их звездного великолепия было подобно холодному спокойствию смертного сна, в отличие от бесконечного и сводчатого купола вечной энергии, под которым я стоял, невольно преклоняясь перед крещением жизни, которым оно меня омыло. Я видел великолепие некоторых восточных пейзажей, с сиянием легиона красок, разбросанных вокруг богатой мозаикой, но сравнивать такие цвета, оттенки и переливы с ними перед моими глазами было кошунством.

Но зачем пытаться сделать невозможное? Слова никогда еще не были в состоянии передать адекватное представление о многих сценах на земле, как же тогда они могут быть использованы, чтобы рассказать о большей славе, которую язык души не в силах изобразить, но оставляет очарованному созерцателю понять молчаливым пониманием. О, сердца! вежи чьего паломничества обозначены попеременно битвой, поражением и неудачей; вы, изгнанные путники, изгнанные из всего, что когда-то было дорогим; вы, жаждущие взгляда сочувствия, жаждущие доброго слова, нащупывающие единственный лучик надежды; вы раздавлены и искалечены, искалечены и замучены на дыбе общественного приличия; вас

изгоняют и изгоняют из бездушной церкви, потому что ваши утомленные ноги спотыкаются на пути; вы, мученики жадности к богатству, славе и власти; вы, уставшие от жизненной борьбы, все, кто уснет и в диком бреду своих снов даст волю всем своим фантазиям; пусть ваше воображение рисует перед вами все, чего вы желаете или осмелились бы жаждать; вообразите себе все, что вы думаете о небе; наслаждайтесь ожиданием того, что вы там найдете; затем умножьте произведение еще в тысячу раз и поймите концепцию творения, если сможете. Но даже если вы достигнете вершины этого желания, вы не уловите ничего, кроме слабого отражения того, что делается для наслаждения праведников, когда их окровавленные ноги ступят сюда.

От подножия холма, на котором я стоял, в каждую часть пейзажа расходились сотни тропинок, не однообразных прозаических дорог, к которым так привыкла земля, и каждая имела не имя, а характерный цвет, соответствующий город или район, в который она вела. Они были расположены так, что более темные тени изгибались по обе стороны на переднем плане, каждая из которых имела большее или меньшее углубление в зависимости от ее тона, пока я не потерял их, когда они утонули под моими ногами; более светлые тона, казалось, имели соответствующее возвышение, пока в центре перспективы не лежала прямая линия безупречного белого, ведущая к дуге блестящей чистоты вдалеке.

Хелен оставила меня на время, чтобы я мог безмятеж-

но созерцать это зрелище, а когда она вернулась, ее сопровождали несколько друзей, более или менее близко знакомых мне. Мы сели и поговорили о событиях наших прошлых жизней и стали размышлять о наших будущих перспективах с чувством спокойного удовлетворения и удовольствия, к которым я до сих пор был чужд. Казалось, каждый человек каким-то необъяснимым образом усиливал мое чувство радости, и даже теперь, когда я знаю гораздо больше о жизни, тогда новой для меня, я вспоминаю это воссоединение как одно из самых сладких воспоминаний духовного опыта.

«Теперь ты можешь начать понимать значение цветных платьев или одежд». — сказала Хелен во время паузы в нашем разговоре.

"Да! Я понимаю, что каждый человек идет по дороге, соответствующей цвету одежды, которую он носит. Но кто эти в разноцветных мантиях — сочетание розового с ярко-синим?"

«Они посланники или учителя; среди них был Евсемос, один из их числа, который сопровождал тебя во время твоего несчастного случая и привел тебя к тому месту, где я нашел тебя. Смотри, это он пришел, чтобы забрать тебя и научить большему, чем я могу!»

Он был греком и прекрасен видом как Аполлон. Хотя я и не подозревал, что видел его раньше, его улыбка приветствия и узнавания не позволяла думать, что мы были незнакомцами.

Когда я поднялся, он поймал меня в братские объятия и крепко прижал к себе, не нарушая ни одним словом священной тишины своего приветствия.

— Ты уже отдохнул? — спросил он наконец.

— Да, — ответил я. — но так сбит с толку.

«Это отнюдь не необычный опыт; откровения, ожидающие душу по прибытии сюда, рассчитаны на то, чтобы одолевать тебя до тех пор, пока ты не будешь обучен простому ключу, с помощью которого все решается».

«Кто научит меня этому великому искусству решения?»

Спросил я.

— Ты узнаешь, если ты хочешь это знать.

"Когда?"

— Теперь, если хочешь.

«Кто не хотел бы узнать такую великую тайну? Моя душа жаждет таких знаний».

Что такое могучая сила?»

"Любовь!" он ответил. «Эта жизнь во всех ее фазах, во всех ее многообразных проявлениях, в ее высотах и глубинах — не что иное, как великий комментарий к одному этому слову. Любовь — это единственное изучение, которое мы изучаем, пища, которую мы едим, жизнь, которой мы живем; и именно для участия в радостях этого неисчерпаемого знания ты теперь приглашен, и Миханен просит меня познакомить тебя с такими её чертами, на которые я способен. — Кто такой Миханен? Спросил я.

«Один из посланников или учителей между этим и следующим этапом жизни, которая действует как правитель нескольких городов или кругов в этом государстве».

«Но разве Бог не правитель?»

Он Всевышний, Царь царей и Господь господствующих, но под Ним множество подчиненных — херувимов, серафимов, архангелов, управляющих разными господствами и подразделениями этой жизни, и Миханен — одна из низших властей».

— Это еще одна удивительная информация, — сказал я.

«Так я предвидел, — ответил он, — хотя этого не должно было быть, ибо факт был ясно открыт человеку; но «тьма покрыла землю, и тьма — народы», которые в своем неведении совратились с пути и заблудились в пустыне сомнения, смятения и заблуждения».

«И где корень этого заблуждения, как видно из земной жизни?»

«В учении о том, что душа должна сделать свой вечный и окончательный выбор исключительно на земле, а не в том, что земная жизнь является только элементарной стадией ее бесконечного развития. Законный долг земли состоит в том, чтобы утвердить душу в практических принципах любви, чтобы подготовить ее к вступлению в высшие обязанности этого сословия. Абстрактные спекуляции в богословии — это не те исследования, к которым человек призван, особенно когда его учителя работают над неопределенными тео-

риями и не обладают абсолютным знанием. Даже здесь мы не в состоянии говорить о многих вопросах, которые наши братья во плоти решили к своему собственному удовлетворению; но мы должны подождать, пока не достигнем тех условий, в которых разовьются необходимые способности для понимания нынешних тайн. Ученики-учителя не дают углубленного обучения наукам ученикам младшего класса;

-- Я заметил, как ты апеллируешь к разуму во всех своих иллюстрациях, -- сказал я, желая услышать его мнение об этом.

— Несомненно, — ответил он. «Все законы имеют свой корень и центр в Боге, и поэтому их можно обосновать, насколько мы можем их понять. Так называемые естественные законы — это духовные законы, переведенные в необходимые выражения для физического существования, и если их правильно понять, они могли бы служить показателем духовного прогресса. Борьба за верховенство веры и влияния, к сожалению, привела к превознесению буквы закона, в то время как дух его откровения игнорировался; отсюда рост ошибок и заблуждений. Возьмем, к примеру, нынешнее ортодоксальное представление о рае. Предположим, что в неопределённом тумане в каждую неумелую руку даётся арфа, а каждый немзыкальный голос начинает нескончаемый возглас: «Слава, слава, слава»; ну, может быть, это их идеал неба, но каково мнение таких, как Гендель, Моцарт, Бетховен, и тысячи других, понимающих законы гармонии? Одно мгнове-

ние серьезного размышления сделало бы невозможным, чтобы такая идея оставалась верной».

«Возможно так. Но я не понимаю, как они могли составить точное представление об этой жизни; это так отличается от того, что я ожидал найти, а я не был другом ортодоксии».

«Почему так отличается? Не потому, что это нереально; но что вы сформировали неестественное мнение о нем. Переход от смертности к бессмертию есть не что иное, как этап в развитии души, подобный тому, который превращает цветок в плод. Ни в том, ни в другом случае естественный закон не нарушается и не разрушается; это всего лишь переход на следующую ступень к цели, которую нужно достичь. Вы никогда не обнаружите, что цветок терна стал прародителем персика, а бутон маргаритки превратился в розу. Таким образом, при переходе от низшей жизни к этой действует точно такой же закон; это дополнение и продолжение того. Но таким поводом для недоумения становится тот факт, что человека ошибочно учат верить, что простым актом веры, проявленным даже в час распада, (человек полностью меняется).

«Не то, чтобы у человека была для этого сила, — предположил я, — а то, что Бог может осуществить ее, используя Свое всемогущество. Я никогда не слышал ни о какой секте, претендующей на власть; это повсеместно приписывается одному лишь Богу».

«В наставлении ты прав, — ответил он, — но на практике предполагается, что человек обладает всей властью, и Бог не

имеет к ней никакого отношения».

«Может быть, это мое невежество, — ответил я, — но все же я не вижу, в чем ты прав».

«Позволь мне использовать отнюдь не необычную иллюстрацию. Бог представлен как создавший определенные условия для спасения человека при условии его покаяния; это покаяние должно быть осуществлено или нет, как может решить человек, и он выступает как арбитр своей собственной судьбы».

— А разве это не так? — спросил я.

«В том смысле, что он не может быть прощен до покаяния, да; но учение, которое я отвергаю, состоит в том, что проявление покаяния в человеке способно произвести невозможное изменение в природе индивидуума в тот самый момент, когда он соглашается на покаяние. Выслушай мое дело и скажи, если я не прав. Человек, чья жизньотягощена насилием, жестокостью и убийством, стоит лицом к лицу с разложением, уклоняясь от шага, который вот-вот будет ему навязан. В тюремной камере, когда звонит колокол казни и палач лишает его всякой силы помочь или предотвратить его судьбу, и где священник умоляет его покаяться, уверяя его, что все еще может быть хорошо.

Бог готов простить, Иисус готов принять, и ангелы ждут, чтобы отнести его омытый кровью дух домой. Это всего лишь мгновения, и как будто вечная судьба именно тогда висит на волоске от его собственного решения. Где, спра-

шиваю я, остается хоть какая-то сила в руках Божьих в таком учении? (Получается, что всё спасение решается одним лишь мгновением выбора человека) И ты знаешь, что то, что я говорю, правда. Такой человек уверен, что ничто, кроме него самого, не стоит на пути к немедленному и абсолютно-му прощению, какой бы ни была его жизнь».

— Но и покаяние — это дар Божий, — ответил я.

"Я знаю это; и не хочу приуменьшать такого акта (приближения к Богу), а только протестовать против приписываемой ему силы и (значимости полного, моментального и вечного спасения). Человек, пренебрегая предостережениями своих друзей, может упасть и сломать руку и попасть в затруднительное положение, после чего он раскаивается в своем безрассудстве; но спасает ли его это раскаяние от последствий его опрометчивого поведения? Конечно нет; и тот же закон действует в отношении души».

«В свете твоего нынешнего опыта и знаний, как бы ты провозгласил закон Божий людям?» Спросил я.

«Никто не может выразить это проще и совершеннее, чем Иисус, сказавший: «Один у вас Отец, Бог, и все вы братья». Исполняя Свои отеческие обязанности, Бог нелицеприятен. От каждого ребенка ожидается послушная любовь, а затем и братская привязанность ко всем без исключения членам семьи. В этом весь закон Божий, и строгое соблюдение его соблюдается с соразмерным наказанием за каждое нарушение. «Не обманывайтесь, Бог поругаем не бывает, ибо что посеет

человек, то и пожнет».

Эти слова оживили сильное желание снова вернуться на землю, которое раньше овладело мной и побудило мою молитву на склоне; они, казалось, укрепляли надежду на то, что моя тоска каким-то образом может быть удовлетворена, и я спросил:

«Если семейные отношения так тщательно соблюдаются, а переход — это только развитие, а не разрыв, то не возможно ли, чтобы существовало какое-то положение, благодаря которому мы все же могли бы достичь земли и помочь исправить эти прискорбные ошибки?»

"Да! Таково естественное существование, и все свидетельства земли свидетельствуют об этом; но, видя, что подобное служение было бы фатальным для всех вероисповеданий и сект, поскольку оно разрушило бы профессию священника, поэтому оно было предано анафеме и объявлено адским».

«Но, несомненно, у нас есть сила, чтобы победить такую оппозицию и провозгласить истину, которая будет апеллировать к разуму и здравому смыслу».

— Это ни в коем случае не так легко осуществить, как ты предполагаешь. Веками учили, что Библия, как Слово Божье, нуждается в критическом и научном толковании, чтобы ее учения могли быть правильно поняты — это основа всех вероучений — и устанавливает необходимость подготовленных людей, чтобы читать ее в соответствии с сектантским духом, который они призваны возвращать».

— Значит, ты считаешь, что вся ошибка заключается в образовании и разделении сект?

«Отчасти это, но источник в том, чтобы сделать книгу непогрешимым диктатором и заявить, что она содержит полное и окончательное послание Бога человеку. Она не претендует на это сама по себе и не соответствует методам Божьей процедуры, что должно быть именно так.

Бог дарит солнечный свет день за днем; посылает дождь, когда того требует случай, и заставляет каждый год приносить свой собственный урожай. Это закон для всего творения, и разумно ли предполагать, что Он изменит или отменит этот закон в Своем личном общении со Своими детьми, сказав однажды и предоставив истолкование Своего послания на милость того, кто решит сделать это как разъяснитель? Даже соперничество вероисповеданий запрещает такое предположение; и предполагать, что Бог может легко относиться к таким ложным притязаниям, очень серьезно ставить под сомнение характер Его любви к Своим детям».

«Твои слова окрашены славной надеждой на будущее расы, — сказал я, — открывая двери милосердия на петлях бесконечной любви; но расскажи мне что-нибудь об условиях жизни тех, кто следует этим учениям».

«В этой жизни каждый человек несет ответственность за свои преднамеренные действия и мотивы, но все последующие наказания являются исправительными, а не мстительными. Самый благородный дар, которым он наделен, — это

способность рассуждать; раз это так, ожидается, что он будет консультироваться и использовать его во всем, что он делает. Итак, если он обладает этим даром рассуждать и выбирать лишь на втором месте по степени подчиненности самому Божеству, (сначала подчинённость а потом личный выбор), то непротиворечиво ли предположить, что человек приспособлен только к второстепенным подробностям жизни, и он становится опасным советчиком в более важных душевных делах? Такая идея является клеветой на Дающего (разум и выбор). Но тут возникает трудность — естественным следствием свободного применения разума на земле было бы разрушение узких рамок веры и догматов, отсюда и громкое осуждение такого выбора Церковью. С другой стороны, человек, наделенный такими способностями разсуждения, соглашается подчиняться велениям своего товарища.

«Я не понимаю, как он узнает о чём то, — ответил я, — если ты отнимешь у него Библию».

«Я ни в коем случае не делаю этого», — сказал он. «Записи о Божьих методах обращения со Своими детьми при различных обстоятельствах являются бесценными путеводителями для людей; Поскольку они всегда одни и те же, анналы прошлого служат полезными указаниями, а не произвольными законами, для будущего. Люди, написавшие эти книги, были людьми, которые ходили и разговаривали с Богом, и их общение приводится для сравнения и ободрения других, а не для того, чтобы заменить или предотвратить такое об-

щение в будущем. Ни в коем случае мы не отнимем книгу; но сказать, что наш Отец перестал говорить с людьми, значит обвинить Его в том, что он человеколюбив, даже в самом узком смысле этого слова, ибо почему Он должен был говорить ранее с Авраамом, Сократом или Буддой, а не сейчас с тружеником настоящего времени? Его свет сияет над каждой землей, Он заставляет дождь падать на поля зла и добра, и люди могут потерпеть неудачу, но Бог навеки один и тот же. Поэтому, когда человечество научится пользоваться Библией, а не злоупотреблять ею, когда будет рассуждать о ней и искать ее духовное значение, а не символическое толкование, когда будет искать истину, а не священническую санкцию, когда признает посланников любви ангелами от неба, а не эмиссарами ада; тогда услышат они за собою голоса наши, говорящие языком будущего откровения - вот путь, идите им, и царство Отца нашего установится на земле на том же основании, какое мы видим здесь. Когда это время наступит, тогда наш мир перестанет быть столь полным сюрпризов для множества паломников, которые постоянно присоединяются к нам».

«На что был бы похож земной мир, — спросил я, — при такой системе правления?»

"Оглянись вокруг и посмотри."

ГЛАВА IV

ГОРА БОГА

Мой проводник повел меня вниз по холму к тому месту, от которого расходились лучами разные дороги и которое неизбежно было общим местом встречи множества людей, постоянно приходивших и уходивших. Не было никакой видимой причины, по которой это должно было бы быть так — никаких препятствий для их перехода прямо от или к какой-либо конкретной дороге или пункту, которого они хотели достичь, — никаких ворот, у которых они должны были бы пройти допуск или сдать экзамен, чтобы подтвердить свою квалификацию, и все двигались по обоюдному согласию, все люди тяготели к этому общему центру на своем пути в любом направлении.

Я на мгновение стал больше интересоваться своим новым и подавляющим окружением, поскольку каждая новая мысль и сцена поражали меня. Когда я спускался в эту суетливую, вечно меняющуюся, радостную толпу, я впервые полностью осознал тот факт, что смерть лежит вне поля зрения, позади нас, и когда я это сделал, я остановился, чтобы попытаться осознать все, от чего я ушел - к чему я перешел, и непостижимую перемену обстоятельств, в которые я попал, в то время как сам я все еще оставался тем же. Каждое отдельное происшествие, с которым я познакомился, казалось, со-

держало в себе рай, и больше его, чем я был в силах вообразить на земле, и все же каждый был так задуман, чтобы провозглашать его частью нашего дома, где будет слышно, как из уст Бесконечного Отца вырывается совершенный аккорд любви, отголоски которого навсегда останутся в бескрайнем пространстве того вечного купола, под которым мы в конце концов обретем покой, в то время как сам я все еще оставался тем же самым собой.

Сцена передо мной была одним из главных пунктов в земной идее рая, и поскольку мы оставили позади время, равно как и смерть, не было никаких причин, по которым я не должен был бы остаться, чтобы изучить реализацию того, на что каждая душа так рассчитывала. Я часто медитировал и молился. Мой спутник видел мое желание и молча стоял рядом со мной, казалось, своим сочувствием добавляя к тому сильному наслаждению, которое я испытывал. Скольким победам над смертью я был свидетелем! Старый враг человечества был бы тысячу раз разгромлен, если бы он собрал там свои силы. Муж и жена, родитель и ребенок, брат и сестра, друг и друзья встречаются после более или менее продолжительных промежутков времени, с полным сознанием того, что теперь они уже не расстаются; руки, грубо разорванные в холоде тумана, снова сжимали их, зная, что смертельный паралич бессилен снова вмешаться; глаза на земле, незрячие, теперь пировали своим голодным взором на тех, кто вел их во тьме; уши, прислушивавшиеся к материнскому голосу,

теперь были очарованы сладостью этой музыки; языки, долго молчавшие, изливали свою благодарность; и руки, которые были бессильны, сомкнулись в восторженных объятиях любви. При всей этой радости мне никогда не приходило в голову, что я один стою там без такого приема со стороны тех, кого я знал, что тоска по тому, для кого моя жизнь была постоянным стенанием, ни разу не овладела мной; Я был так счастлив, созерцая блаженство других, я и не подозревал, что я особенный в своем состоянии.

И меня тоже приняли. Если бы у меня не было друга, который, хотя и был мне прежде неизвестен, но уже был мне дорог, как если бы он был братом, - то я видел бы, что я не был более благословлен, чем многие, и в приеме, оказанном мне Еленой, и в собрание друзей, с которыми я только что расстался на время. Я ни в коем случае не был чужаком в чужой стране, но избранным сыном, который свободно скитался по обширным владениям своего Отца.

Действительно фаворит! Ибо привилегия, которая принадлежала мне, как я вскоре обнаружил, была уделом не всех. У каждой картины есть две стороны, и вскоре я нашел обратную сторону даже той, что лежала передо мной. Я был не один, но вскоре я увидел одного, а затем другого, которые старались пройти незамеченными через эту радостную толпу, стремясь избежать признания, полные страха и напуганные опасением, что их присутствие будет обнаружено людьми, от которых они уклонялись. Взглянув на этих

несчастливых созданий, я получил откровение и узнал истину более убедительную, чем любой аргумент, который мог бы представиться моему уму; относительное положение рая и ада было практически проиллюстрировано, и я понял это.

Ни в какой географии нельзя найти рай;

Но в океане праведной души

Он образует остров с берегом, окаймленным скалами, И тихую гавань, где не бушуют бури.

Один вздох греха на Божьем престоле сказался бы, И начался бы пожар ада.

Мое внимание особенно привлекли приветствия, происходившие между двумя, очевидно, братом и сестрой, первая из которых только что прибыла; пламенная страсть их юношеских объятий, счастливое довольство на лице девушки, благодарность и удовлетворение, столь заметные в мальчике, были очень красивыми. Наблюдая за их радостью, участвуя в их счастье, я сознавал и спрашивал себя, когда моя способность к блаженству достигнет своего предела и не могу ли я сейчас проснуться и обнаружить, что все это было сном. С этими словами, как бы для того, чтобы придать вес такому предположению, мой взгляд упал на женщину в красновато-коричневом платье, которая смотрела на этого мальчика и девочку взглядами и чувствами, которые я никогда не думал найти в таком месте. В ее глазах вспыхнуло пламя ужа-

са; с ее лица катился пот бисеринками мучительного страха; ее конечности были парализованы от страха, и она сжалась и оттолкнулась, чтобы убежать, прежде чем они узнали ее присутствие. Раз за разом она бросалась прочь с того места, на котором они стояли, когда случай давал ей шанс осуществить свое желание, но неумолимая судьба шла за ней по пятам, и казалось, разрушала всякую надежду еще до ее рождения. Каждая бесплодная попытка приближала ее к той счастливой паре, которая не замечала ее до тех пор, пока не наступил кризис, и обезумевшая от ужаса женщина была вынуждена привлечь их внимание в своих отчаянных попытках спастись. Никто во всей этой толпе не выказал ни малейшего сочувствия к ее горю; никто не протянул ей руки, чтобы помочь ей расчистить путь, по которому можно было так легко избежать этой неприятной встречи; она была во всей этой толпе так совершенно одинока, что не раз я чувствовал, что должен пойти вперед и оказать помощь, в которой она так нуждалась; но что-то удерживало меня и говорило мне, что так лучше, и велело смотреть и ждать.

Безмолвно и неподвижно стояла охваченная ужасом женщина, как малодушный уголовник, ожидающий постановления закона. Юноша отшатнулся, но девушка с выражением бесконечной жалости, сияющим на лице, шагнула вперед и сделала то, чего не делал никто другой: она,

кто мог иметь преимущество,

Нашла средство, и расчищала нужный путь, и если она говорила хоть слово, то только из жалости и сострадания, поскольку указывала куда женщина могла скрыться. Вместе с этим к женщине приходила сила двигаться, и когда виновница — я был уверен, что таковой она и была — бросилась прочь, я увидел яркую вспышку света, вылетевшую из глаз ее благодетельницы, которая ударила и засияла на ее беспокойной груди, как сверкающий драгоценный камень.

— Ты видел эту вспышку? — спросил мой спутник, чье внимание, очевидно, привлек тот же случай.

"Да!" ответил я; "что это было?"

«Прощение этой девушки за какую-то большую ошибку, которую сделала женщина. Этот свет останется с ней до тех пор, пока она не заплатит за свой грех, когда она сможет осознать его значение, и он окажет сильное влияние на ее спасение».

"Бедная душа!" «Куда она пойдет? Как грустно кажется, что во всем этом множестве нет никого, кто мог бы встретить ее, некому было дать ей совет или сказать слово утешения».

«Сейчас это принялось бы с насмешкой», — ответил Евсем, и здесь ты ничего подобного не найдешь. Встречаются только те, кого можно приветствовать. Но если ты понаблюдаешь за ней, то увидишь, куда она пойдет».

— Ты не боишься, что она ошибется из-за своего невежества? Спросил я.

«Могут ли люди жить под океанскими волнами или рыбы

могут ли общаться с орлом в его полете к солнцу?» Ответил он. «Также она не может занять место, для которого она непригодна. Здесь не нужны ангелы с пылающими мечами, охраняющие наши пути».

— Но посмотри! Сказал я: «Она идет не так! Ее платье ни в коем случае не цвета дороги, по которой она идет».

— Следи за ней, — спокойно ответил он.

Я так и сделал.

Стремясь убежать от этого ужасного присутствия, она, расчищая толпу, неосторожно бросилась на первую попавшуюся дорогу, напрягая все свои силы, чтобы отдалиться от девушки, которую обидела. Казалось, ее идея заключалась в том, что безопасность заключается в бегстве, поэтому вся ее энергия была направлена на то, чтобы сделать этот полет как можно быстрее. Однако курс ее продолжался недолго. Была ли это ее сила, или она просто остановилась, чтобы перевести дух? Я не знал. Потом я увидел, как она пошатнулась, как будто обессилела от изнеможения и волнения, — пошатнулась и потянулась за какой-нибудь опорой, но ее не было; затем она повернулась, и хотя и на таком расстоянии, в этой ясной атмосфере я мог видеть добавленную агонию боли, написанную на ее лице. Что-то заставило ее вернуться — заставило вновь приблизиться к тому, от чего она пыталась бежать. Она предприняла вторую и третью попытки, но все безрезультатно, та же неумолимая сила заставляла ее вернуться, пока она не вступила на путь, который, судя по

цвету, был правильным; по нём она прошла без малейших усилий и вскоре скрылась из виду под нашими ногами.

— Бедняжка, — пробормотал я. — Куда приведет ее эта дорога?

«Она изобилует подземными пещерами, в которые может проникнуть очень мало света. В этих местах, такие как она, спешат спрятаться от присутствия тех, кого они обидели, и тех, кто как они боятся, более сильные из них последует за ними, чтобы мучить их. Террор превращает их жизнь в ад. Они не знают, кто или что находится рядом с ними, они чувствуют, что каждая душа, с которой они вступают в контакт, пришла отомстить, и поэтому каждая становится источником ужаса для другой. Там эта женщина должна оставаться до тех пор, пока какой-нибудь дух в менее жалком состоянии не обретет достаточного доверия к ней, чтобы побудить ее покинуть эти берлоги и отправиться в менее жалкое жилище, что является первым шагом к счастью, которого может достичь каждая душа. Но мы пойдем дальше.

Некоторое время наше продвижение не было быстрым, так как мой спутник встречал множество своих товарищей-посланников и других, каждый из которых говорил мне приветствие, а множество интересных особенностей моего окружения побуждали меня делать частые паузы, что бы я мог лучше понять их. Когда, наконец, мы достигли окраины толпы и приступили к намеченной миссии, я был рад услышать, как Евсем упоминает об этом происшествии, которое

заинтересовало меня и в то же время так озадачило.

-- Я вижу, -- начал он, -- что ты не можешь примирить присутствие этой женщины здесь с простым законом любви, управляющим этой жизнью.

-- Да, -- ответил я, -- и был бы рад, если бы ты мне это объяснил.

«Соглашусь, и тогда увидишь, что Господь благ ко всем, и Его щедроты на все дела Его; и для себя я не вижу, где бы я мог найти более убедительную иллюстрацию этого, чем в таком случае, на который было обращено твое внимание».

"Как так же?"

«Когда она ускользнула, — ответил он, — ты видел, как она пошла по пути, по которому мы сейчас идем; заметила, как каждый человек, которого она встречала, проходил мимо, не говоря ни слова и не указывая на ее неправоту. Теперь я прошу тебя отметить жизнерадостность, возбуждение, счастье и покой, которые возрастают с каждым нашим шагом, и сказать, если ты можешь, почему она свернула с такого пути по собственной воле?» — Не могу сказать, — ответил я.

— Это было просто потому, что то, что доставляло тебе все большее удовольствие, причиняло ей боль; она впадала в неестественное состояние, столь же ярко выраженное, как у рыбы, вытасщенной из воды. По своей собственной воле и преднамеренному поступку она приготовила себя на земле для того, чтобы занять определенное место в этой жизни, и она не может, даже если бы захотела, занять какое-либо дру-

гое место, не претерпев естественной боли. Она сделала свой выбор, и любовь вмещивается, чтобы спасти ее от дополнительных мучений, которые являются законным результатом ее собственных действий; это в полной мере проявляется в обеспечении того места, куда она теперь отправилась.

Она не будет покинута и полностью оставлена на милость тех, кто будет там ее сообщниками; другие, в более счастливом состоянии, спускаются к таким, как она, и внушают им надежду, побуждают их к покаянию, стараются убедить их уйти, и наконец, ведут их по пути к счастью».

— Значит, она не попала в тот ад, где огонь не гаснет? Спросил я.

«Огонь ада — это одна из тех метафорических фраз, которые неправильно понимают из-за буквального толкования», — ответил он.

— Объясни мне, как ты это понимаешь?

«С удовольствием и при этом я буду использовать иллюстрацию, с которой ты лучше всего знаком. Об Иисусе было сказано: «Он будет крестить Духом Святым и огнем»; О Себе Он сказал: «Я пришел послать огонь на землю»; и человека уверяют, что «наш Бог есть огонь посядающий». Ты понимаешь, что это так же буквально, как адский огонь?» — Конечно нет, — ответил я.

"Но почему нет; что здесь существует для проведения какого-либо различия?»

«Я затрудняюсь ответить тебе, — ответил я, — кроме то-

го, что это соответствует традиционному обычаю».

«Это необходимость вероучения, — ответил он, — и в этом великий источник путаницы, противоречий и духовного невежества. Слово Божие есть дух, а также истина, и оно всегда должно быть истолковано духом, а не буквой, поскольку это просто форма, в которой дух находит выражение, так как смертное тело есть не что иное, как орган выражения души. Огонь духа есть любовь. Следовательно, сказать, что Бог есть огонь поядающий, — это всего лишь другой способ заявить, что Бог есть любовь. Теперь с другой стороны любовь в своей испорченной форме становится страстью, и если ее не сдерживать, она быстро разорвет все узы и сделает человека жертвой его собственной пожирающей похоти со всем злом в его природе, подпитывающим пламя этой похоти. Когда такого отделяют от тела и принуждают к этому состоянию существования, куда он может пойти? Ты видел случай, в котором нет ничего похожего на такие аспекты разврата, но для нее было пыткой стоять там, где мы сейчас, не тем ли более это было бы так для такого человека, которого я описываю? Даже само место, куда ушла эта женщина, было бы для него невыносимо, но все же он не должен быть наказан в отместку; поэтому Бог сотворил обитель, близкую такой природе, где он может на время погрузиться в своем безумном исступлении в океан своих непокорных страстей и мучиться, собирая урожай семян, которые он посеял, в то время как неугасимый огонь истинной Любви бу-

дет гореть и работать по своему назначению. Но в этом слове «неугасимый» снова проявляется любовь нашего Отца, поскольку огонь может сжечь только мякину; или, другими словами, придет время, когда похоть и страсть будут поглощены этим огнём, тогда пшеница будет собрана в житницу, и душа выйдет из испытания, как очищенное золото; и освященный огонь любви все еще будет гореть в той душе, которая таким образом будет спасена от самого конца».

-- Ты это знаешь, -- с нетерпением спросил я, -- или ты только надеешься, что так оно и будет?

"Мы знаем это; это единственный великий закон жизни, который, как ты обнаружишь, действует здесь повсюду.

Так должно быть и на земле, но множество слов человеческих стало могилой знания, и свет вдохновения побежден во мраке такой гробницы. Ты не найдешь здесь много проповедей, поскольку привык понимать это слово; у нас проповедовать значит действовать, и всякое действие имеет своим побуждением любовь, так как мы на практике узнали, что тот, кто пребывает в любви, пребывает в Боге и Бог в нем».

"Ой! Какое прекрасное евангелие любви вы проповедуете! «Какой музыкой это было бы для земли. С таким сообщением я могу хорошо понять, что «любовь никогда не перестает».

«Евангелие, которое мы провозглашаем, — это то, что было дано людям и особенно подходит для земных условий».

«Теперь у меня есть еще один вопрос, который, по-ви-

димому, пока еще не согласуется с универсальным законом любви». «Позволь мне услышать это, мой брат», — ответил он.

«Как вы здесь примиряете этот закон с тем, что этой женщине разрешено войти и увидеть радость более счастливых людей?» — спросил я.

-- Ты воображаешь, что это имеет тенденцию усиливать ее наказание, -- возразил он.

«Я не понимаю, как может быть иначе».

«Это я вполне готов признать; но прежде всего ты должен помнить, что путь, по которому ты пришёл, является обычным путем признания, и что любое наказание, которое претерпеваешь, является естественным следствием преднамеренного греха, поскольку дела, совершенные по неведению или без намерения, не влекут за собой наказания на суде тумана. Но те, кто согрешил умышленно или по преступной небрежности, - во многих случаях идя одним и тем же путем годами, заглушая голос совести и подавляя свою духовную жизнь, - получают свою справедливую награду и наказание, и обязательно должно быть так, чтобы их боль усиливалась, когда они осознают, что могло бы быть при других и лучших обстоятельствах».

— Разве эта дополнительная боль не спасет их? Спросил я.

"Нет! Бог никогда не отворачивается, чтобы избежать последствий человеческой глупости; но, с другой стороны, да-

же эта боль, о которой ты так сожалеешь, дозволена тем же законом любви. Хотя она в настоящее время не осознает этого, эта женщина получила одну информацию, которая даст ей надежду и утешение в настоящее время, то, чего она не могла бы узнать, если бы не пережила тот неприятный опыт». "Что это?" Спросил я.

«Она знает, что нет ворот, у которых стоит ангел, чтобы удержать ее от пути светлой жизни; и скоро она поймет, что единственное препятствие на пути к ее счастью лежит внутри нее самой. Когда она сможет осознать это, это станет мощным стимулом для улучшения ее состояния; это научит ее тому, что ее наказание было направлено на очищение, а не на мщение; это будет текст, на котором ее учителя будут строить сотни аргументов, пока она не узнает, что даже в своем темном состоянии она не была покинута, но, хотя она этого и не знала, рука Божья вела ее».

— Спасибо, — сказал я. «Когда ты изложил это, я теперь могу понять, как велико милосердие Бога ко всем Его делам, но теперь у меня есть еще одно затруднение, которое я хотел бы, чтобы ты прояснил. Рождается много детей, морально неспособных отличить добро от зла; как это расценивается по их прибытии сюда?»

«Во всех случаях справедливость и беспристрастность совершаются безошибочно, — ответил он, — и наказание за все грехи ляжет на плечи грешника. На земном суде с диагнозом kleptomana или идиота пожалеют за его несчастье,

а не накажут, хотя бы он и нарушил закон. Разве человек праведнее нашего Бога? Это искалеченное тело или неуравновешенный ум чаще являются результатом греха, чем случайности, и кто-то должен нести за это наказание - кто это будет?

Послушай эту ужасную правду. «Каждый человек должен дать отчет о делах, совершенных в теле»; одно из этих деяний — смертельная несправедливость распространения жизни, не думая и не ссылаясь на здоровое и компетентное тело, в котором эта несправедливость может выполнять свои функции, необходимые для ее развития, что оставляет ребенка нести последствия грехов его отца или матери в свой собственный организм. Ребёнок может перенести немощь, но не может изменить и нести ответственность за грехи. Именно последствия грехов несет ребенок, но ошибки, совершенные в его несостоятельности, считаются грехами того отца, и он будет призван ответить за них перед судом Божьим».

«Это ужасная мысль», — сказал я, когда он закончил.

«Тем не менее верно, — ответил он, — что посеет человек, то и пожнет».

Я был слишком поглощен предметом нашего разговора, чтобы лишь механически замечать сцены, через которые мы проходили; но в этот момент мое внимание привлекла перемена, происходившая во внешности моего спутника, который теперь был окружен мягким и на мгновение увеличива-

ющимя ореолом, из которого я начал осознавать, что черпаю необходимую силу, чтобы сопровождать его. Мы шли по более яркому пути, занимая центр и вершину ландшафта, но его внешность настолько изменилась с тех пор, как мы начали наше путешествие, что в своей теперешней прозрачности он походил на путь солнечных лучей, по которому мы ускорили наш воздушный полет, а не чем обычная дорога в царстве более существенном, чем Греция или Рим, потому что она имела более законное право называться «вечной», поскольку ее создателем и строителем был Бог. Мягкая и благоухающая атмосфера, казалось, поднимала нас в свои объятия за пределы досягаемости усталости; ветры, благоухающие жизнью и покоем, целовали и ласкали нас любовными ласками; пронизательный солнечный свет, омывающий страну, пронзал нас насквозь, пока мы не засияли той славой, подобной которой сияло лицо Моисея, когда он был в присутствии Бога на Синае.

Это было для меня как восхитительный сон. Реальное и нереальное смешались в совершенной гармонии, в которой я не находил места даже подозрению в удивлении. Помню, я не раз убеждал себя, что это более чем похоже на сон; от которого я вскоре проснусь, чтобы встретиться лицом к лицу с суровой реальностью моей разочарованной жизни с дополнительной болью, добавленной к ней воспоминанием об этой приятной иллюзии. И я до сих пор ощущаю, как во мне пробегает дрожь при мысли о том, как я мог выдержать та-

кой тяжелый удар, который мне необходимо вынести. Мой спутник заметил это и несколько приблизил меня к себе, а сам ответил на мои мысли в одной из тех полубессознательных мечтаний, столь характерных для этой жизни и в тоне которых больше ободрения и внушения, чем увещевания. Я уловил больше сказанного в передаче его духа, чем в словах, и поскольку все это было экспромтом, я не мог просить его повторить это мне, и я чувствую несостоятельность, которую я делаю, пытаясь воспроизвести строки что произвело на меня такое впечатление в то время; но следующее даст приблизительное представление о том, что он сказал:

«Все сны так же реальны, как и бодрствование; Тогда почему мы должны отвергать их удовольствия?»

Душа взбирается на дозволенные высоты – и

Когда сон велит сердцу остановиться, оно болит –

И направляет взоры светлых и сильных глаз На обетованный дом, которого она скоро достигнет.

«Душа — это и есть человек, и она вечна;

Тело же живет одним днем, -

«Это от земли и должно уйти в землю, но душа в своих видениях

С гор сна смотрит за реку

И приветствует любимого в стране «вечности».

Младенец, и мужчина, и дева,

Мечтали и будут мечтать всегда: "Это утешение для всех

людей и сердце болит, И истинный покой нарушается для души,

Пока в последнем сне тела она его не покинет, где Душа попадает в рай — этот сон без пробуждения».

У меня не было ни возможности, ни желания отвечать, потому что с окончанием его рапсодии мы остановились, повернулись, и сцена, представшая передо мной, заставила меня оторваться от хода мыслей, вызвавшего такой содержательный урок, в то время как я был пленен неопишуемым великолепием панорамы, на которую он показал рукой.

Сейчас мы стояли на склоне холма, с которого мы начинали шествие, и единственной заметной особенностью ландшафта, как я уже сказал, было сияние разноцветных дорог, ведущих к многочисленным городам, которые теперь были лучше видны, но которые тогда были скрыты от нашего взгляда. У наших ног, бежавший вправо и влево, был один из самых темных оттенков темно-малинового цвета, заканчивающийся под холмом внизу, и я видел, что туда пошла несчастная и испуганная женщина, где она исчезла из виду. Этот мрачный и зловещий путь лег в основу сцены; следующая и каждая последующая дорога приобретала более светлый оттенок почти незаметными градациями, пока луч чистоты, по пути вверх по которому мы шли, не образовал кульминацию целого и не увенчал двойную призму как венец. Когда я вспомнил об этом взгляде в свете многих объ-

яснений, которые я с тех пор получил, Я думал, что это расположение было великим пророческим символом этой более счастливой жизни, показывающим естественный и непрерывный прогресс, который душа могла совершить от крайности греха, чтобы отдохнуть и достичь полного счастья в грядущем времени. И сердце мое обрадовалось.

В это время мне пришла в голову еще одна мысль — вопрос, который я задал моему проводнику относительно той боли, которую этот прежний взгляд должен был вызвать в сердцах тех более несчастных людей, с которыми я встречался, и я осознал невыразимое милосердие и любовь, которые были осуществлены в дизайне, показанном передо мной. Прежняя перспектива была лишь обратной стороной той картины, которую я теперь обернул, чтобы взглянуть на такое великолепие, которого глаз не видел и которое не могло проникнуть в сердце человека. Если бы это зрелище могло вызвать боль в какой-нибудь душе, когда она снова вставала перед воспоминанием, я вполне мог бы понять, как это могло бы поглотить ее отчаянием. Воистину, милость Божия над всеми делами Его.

Далеко-далеко на западном горизонте, смягченные и согретые широким пространством, разделявшим нас, висели туманы над границами страны. Их вид теперь не был черным и холодным, как тогда, когда я видел их в последний раз, но мягкий малиновый оттенок, заливавший их, делал их похожими на богатые гобелены, которые солнце рисует на окнах

неба, когда осенний день близится к закату, когда усталый рабочий спешит домой, прежде чем буря, которую он слышит вдалеке, не достигнет его. Позади нас, на высоте, которую не мог ни оценить, ни измерить мой взор, над горными вершинами струятся лучи славы, омывая и питая всю ту землю. Как будто одно невидимое солнце садилось на далеком западе, а из восточной зари поднималось другое — может быть, Солнце правды — из лона моря любви.

Для нашего обзора мы стояли на склоне какой-то величественной горной цепи, высота которой бросала вызов моим вычислительным способностям. Если я искал их вершину, мои глаза ослепляла дуга света, которая сияла на меня и мешала моим поискам; находясь далеко, пока мое зрение не стало неясным вдали, я мог видеть диапазон, простирающийся подобно естественной границе двух соседних народов. Тропа, служившая наблюдательной площадкой, была похожа на ровный гребень небольшого хребта, идущего от основания к вершине увенчанного славой неизмеримого холма позади меня. Вдалеке лежала равнина, казалось бы, неограниченных размеров, волнистая и не поддающаяся описанию живописность, на которой холмы и долины, озера и ручьи, террасы и плато, парки и пастбища, рощицы и сады, города и усадьбы, дворцы и имения были так устроены и расположены, что вносили свой особый вклад в величие целого. На всей этой обширной территории каждый куст и цветок, каждый дом и холм, каждый ручей и озеро должны были

поддерживать свое законное равновесие в общей гармонии; и удивительно красивый был эффект, произведенный в выполнении этого проекта.

В часы усталости и безутешности в прежней жизни я пытался сформулировать набросок идеала того, каким должен быть рай — да и кто этого не пробовал? Мое высшее представление этого имело фон разочарования и раздражения. Это было похоже на прекрасную картину какого-то славного заката, завораживающую своей красотой, когда ты впервые увидел ее, и смотришь на нее, странные, полупрозрачные виды призраки которые поднимаются с холста и отбрасывают свои мрачные тени, как мантии, которые сначала так очаровывали вас; - а после превратились в фантомы неудовлетворенности, сожаления и нереальности. На холсте все жестко, холодно, безжизненно; драма была вынуждена остановиться, когда художник уловил наиболее благоприятную ситуацию, и видел всё из ее поэзии и всё выразилось не больше, чем в раздражающее монотонное выражение губ. Как мы можем узнать закат здесь, по такому неадекватному представлению реальности. Пигмейское мгновенное представление может быть точным, более того, совершенным по своему цвету и положению в тот момент, когда оно было бы представлено в быстрой последовательности меняющихся оттенков, в движении и изгибании облаков. Все это и многое другое нам нужно, прежде чем художник сможет достоверно изобразить свой закат на холсте; и поэтому, в размышлении о небесах,

предоставят нам еще бесчисленные сложности и невозможности, прежде чем мы сможем представить себе слабый идеал того, что нас ждет. Таким образом, мои прежние представления не соответствовали реальности той сцены, которая предстала передо мной, когда я стоял на этом склоне горы; и все же это были не сами небеса, а лишь одно из первых мест остановки в Божьей бесконечности, где души, направлявшиеся домой, могли отдохнуть и освежиться в своем переходе с земли к дому своего Отца, состоящему из многих обителей.

Я бы остановился здесь и не предпринимал бы дальнейших попыток невозможного, если бы не стремился к благополучию моих братьев, которые все еще позади меня и лелеют свои мечты в многочисленных заблуждениях плоти и в своем неведении о жизни, в которую я вступил. Сознание недостаточной силы, которой я обладаю, чтобы передать знание об истине, которую я нашел, почти запрещает мне продолжать, но я буду доволен, если только смогу в какой-то малой степени дать понять, что это существование не является смутным и туманным. Это не государство, не имеющее ничего более существенного, чем облако, на котором можно заложить фундамент нашего жилища. Для нас эта реальность так же реальна и осязаема, как земля для вас, и поэтому, когда я использую обозначения красоты и величия, которые знакомы земле, я не хочу сказать, что эта жизнь столь же груба как то, что лежит позади меня.

В эти первые мгновения созерцания я осознал, что мое зрение значительно возросло, ибо, как язык не в состоянии выразить качество сцены, открывающейся моему взору, так и я не в силах передать указание на область, над которой эта небесная панорама была развернута, и все же от переднего плана до далекого горизонта я мог ясно видеть в этой лишенной дымки атмосфере вечности не только эффекты в совокупности, но и составные части каждой черты, которые, в свою очередь, привлекали мое внимание. Разве я говорил, что там есть равнины и ручьи? Гораздо вернее было бы сказать, что мой взор блуждал по обширным континентам, плодородным и живописным, каждый из которых был окружен соответствующими морями и океанами, из поэтических волн которых было вырвано жало всякого разрушения. Особняк и дворец сияли блистательно в бестеневом солнечном свете, не стесненный или ограниченный в деталях или дизайне, чтобы соответствовать требованиям пространства или ограничений - не лишенный изящества или красоты из-за использования грубого материала, способного противостоять буре так же эффективно, как он может своей красотой разрушить архитектурную мечту; - какая необходимость в таких ограничениях в области бесконечности, в том царстве, где отказываются торговать товаром бури или разложения. Каждое жилище имело свои террасы и полумесяцы, сады и четырехугольники, все по-своему, в таких благородных и великолепных пропорциях, что их видение, возмож-

но, произвело бы на спящего Нимрода высшее впечатление о царственном и величественном Вавилоне. Духовные карьеры, из которых кораллы и мраморы, порфиры и алебастры, малахиты и яшмы были выброшены здесь как грубые и бесполезные, и могут служить материалом для каждого здания на земле, в то время как украшение здесь было выполнено из многообразной мозаики алмаза и сапфира, карбункула и берилла, жемчуга и рубина, аметиста и изумруда, украшенной драгоценными камнями оттенка и блеска, которых земля никогда не видела. Резьба была работой скульпторов, носивших богатую мантию совершенного вдохновения, единственная нить которого воспламенила идеальность Фидея и Анджео. Египет бы мог справедливо гордиться великолепием своих стовратных Фив; гордился бы непревзойденной роскошью, обитавшей в княжеском Мемфисе; превозносил бы непревзойденные ароматы царского Зоана, но в своей величайшей славе никто и никогда не видел таких дворцов, как эти. Сады старого Вавилона были бы забыты при созерцании таких садоводческих достижений; статуи Аполлона, Венера и Афина в восхищении, которым греки исчерпали свой энтузиазм, были бы вымыслами, о которых нельзя было вспоминать в присутствии такой грации и красоты; роза Шарона побледнела перед лицом таких пышных цветов; и благоухание Иерусалимских благовоний стало бы всего лишь прообразом благоухания, доносимого ветром тех деревьев, которые облачены в живую зелень, не ощущая осеннего оттенка.

Сцена была оживлена множеством людей, которые повсюду двигались взад и вперед, не торопливыми шагами того, кто мчится к биржевой игре, или со страхом, написанным на лице другого, который спешит приобрести то умение, которое может спасти жизнь, которая висит на волоске; не было ни видимой боязни, как будто бы каждый куст или дерево скрывало врага, ни трепетного страха перед хмурым взглядом какого-нибудь бдительного тирана; напротив, безмятежность и праздность, не обращавшие внимания ни на время, ни на необходимость, казалось, подчинялись всеобщему правилу, где спокойное довольство не поддавалось бы никаким силам, способным вызвать беспокойство.

Народы всех национальностей смешались здесь без различия; среди них не было видно никакой холодной формальности, снисходительности или покровительства, а скорее признание того, что каждый обладает некоторой силой, чтобы увеличить счастье своего товарища, и что общество всех необходимо для того, чтобы радость достигла своего полного идеала. Это было священное, святое зрелище, и снова и снова я спрашивал себя, что это за волшебная сила, распространяющая вокруг нас священное чувство? Я не мог ответить на это, пока мягкий ветер не пронесся мимо меня и, казалось, прошептал:

«Они сегодня отдыхают от своего труда —
«Это затишье, когда бури почти нет;

Они присоединяются к друзьям, которых они потеряли,
Кого они считали потерянным навеки».

«Это мир воссоединения, который венчает их,
В то время как их глаза едва высохли от их печали
Они встретились и отдыхают сегодня,
И никогда не может наступить завтра.

Мои глаза увлажнились, и я с благодарностью склонил голову, получив откровение, и, повернувшись к своему спутнику, спросил:

"Что это за место?"

«Гора Божья; одна из преддверий неба, — ответил он.

«Если это всего лишь притвор, то в чем будет слава внутреннего храма?»

«Я не могу сказать», — был его скромный ответ, но он был наполнен музыкой такой сильной тоски, что будил в моей душе отголоски, ритмы которые даже еще и сейчас вибрируют во мне.

«Есть ли другие входы из земли, кроме этого?» Спросил я.

"Да; много."

— И все они равны этому?

"Да."

-- Их по праву можно назвать вестибюлями восторга, -- продолжал я. — Но есть одна вещь, которая меня очень удивляет. — И что это, брат мой? Спросил он.

«Увидеть, что отличительный колорит и особенность каждой национальности сохранены здесь».

«Ошибочное представление, что этого не будет, очень распространено на земле; и все же различия есть, особенно для тех, кто изучает Библию так, как исповедует ваша страна. Разве Иоанн не говорит вам, что в одном из своих видений он увидел: «Великое множество людей, которого никто не мог перечесть, из всех племен и родов, народов и языков?» Теперь, видя, что цвет и черты лица могли быть его единственными отличительными признаками, почему вы должны быть удивлены, обнаружив, что его видение подтвердилось?» Он улыбнулся, увидев мое замешательство, поскольку истина его более широкого и буквального изложения видения заставила меня распознать фазу откровения, от которой до сих пор удерживались мои глаза; а затем продолжил: «Все эти ошибочные идеи происходят из-за непоследовательных методов, которые люди применяют к чтению своих священных книг; факт и метафора, притча и история так постоянно смешиваются с целью установить какой-то очень незначительный момент, что в умах многих людей становится в конце концов совершенно невозможно отличить одно от другого; в то время как чрезмерный акцент, придаваемый некоторым предложениям, независимо от их связи, мешает подавляющему большинству человечества действительно узнать, каковы простые учения книг, к которым они питают с таким суеверным почтением. Я только что заметил твое

удивление, когда сказал тебе, что здесь правит Миханен. Это был недоверчивый взгляд, как будто ты подумал, что я богохульствую.

«Это было потому, что я понятия не имел, что здесь есть какая-то другая сила, кроме Бога».

«Ни того, ни другого нет; но эта власть осуществляется через должным образом назначенных министров и служителей. К этому тебя подготовили бы те же самые мысли при чтении Библии, которые ты привык придавать более, чем любой другой книге. Иисус в притче о талантах ясно дал вам понять, что мудрые слуги должны быть поставлены правителями над двумя, пятью или десятью городами.

Он пообещал Своим ученикам, что они будут сидеть в качестве судей, и Его последователи с нетерпением ждут того времени, когда они будут царствовать с Ним; почему же тогда ты должен удивляться, обнаружив, что то, что Он сказал, было правдой, и что такие должности действительно существуют здесь? Еще одна распространенная ошибка связана с характером и природой этой земли и с нашим образом жизни. Иисус уверял Своих учеников, что в доме Его Отца было много обителей. Иезекииль и Иоанн видели город, паломникам напоминают, что на земле у них нет постоянного города, но они должны искать грядущий город, строителем и создателем которого является Бог. Собрания часто поют об Иерусалиме:

Эти глаза Твои, воздвигнутые небом стены.

И жемчужные врата

Твои, бастионы спасением крепкие. И улицы сияют золотом?

Они даже заключают договоры, чтобы встретиться друг с другом у фонтана или престола; предвкушая их сладостное общение, возлежа на наших зеленых и цветущих берегах или отдыхая в тени древа жизни, они упиваются славой, которая будет принадлежать им, когда они соберутся у реки, размышляют о том, что они будут делать, когда встанут среди этой компании, которую никто не может перечислить, каждый член которой будет носить золотую корону, а их руки будут держать ладони победителя или играть на струнах более сладкой арфы, чем когда-либо играл Давид; тем не менее, они были бы серьезно потрясены, если бы кто-нибудь сказал им, что все эти вещи действительно существуют здесь, но обвинил бы вас в богохульстве и попытке сделать небо таким же грубым и материальным, как земля. Их единственное представление о нашем нынешнем состоянии бытия не идет дальше того, что мы постоянно летаем в безоблачном эфире, распевая «Слава! Слава! Слава!» и не имеют даже пустого облака, на котором можно было бы найти покой; и что этот непрекращающийся полет и пение есть наш вечный покой. Однако я должен оставить тебя в этой роще, пока не придет наш друг Кушна, тогда он покажет тебе много интерес-

ного и научит тебя.

Пока он говорил, мы возвращались назад и подошли к великолепной роще, в сторону которой он показал рукой, как будто моего нового проводника следовало ожидать в этом направлении.

«Я очень благодарен за всю информацию, которую ты мне дал», — воскликнул я, когда он заключил меня в братские объятия, готовясь к отъезду.

— Но могу я задать еще один вопрос, прежде чем ты уйдешь? — С удовольствием, — ответил он.

«Объяснишь ли ты мне, почему я смог подняться так высоко над своим собственным состоянием, чтобы обрести зрение, которое ты мне показал, в то время как эта бедная женщина была вынуждена вернуться, пока не нашла свое собственное место?»

"Да! Посланники или учителя обладают властью, и им позволено делиться своей силой с теми, кому они служат, и таким образом помогать им достигать высших высот, время от времени взирая на то, что ожидает их в будущем. Это стимулирует новые стремления и побуждает к дальнейшему прогрессу. Предел, до которого мне удалось тебя довести, был достигнут в том месте, где мы повернули, но этого было достаточно, чтобы ты понял кое-что еще о силе любви, действующей в другом направлении с целью постоянного подъема всего общества к Богу."

С этими словами он пожелал мне единства с Богом, чтобы

мы встретились снова, и повернувшись, оставил меня, как вспышка молнии, и я снова остался один, но мое сердце было радостно.

ГЛАВА V

ДОМ ОТДЫХА

Одна из величайших прелестей этой жизни — исключительная уместность каждого события времени и места его возникновения; желания и стремление очень тесно переплетены с возможностью их удовлетворения. Почти первое сообщение, сделанное мне после моего прибытия, было то, что я найду это страной сюрпризов. Теперь, когда у меня было время немного поразмыслить, один из главных из них был найден в совершенно естественном состоянии всего — физического, интеллектуального и духовного. Это было более подчеркнуто и заметно, в моем желании и окружении в тот момент, когда я потерял своего проводника и спутника. Пока он был рядом, все мои силы были готовы увидеть и услышать уроки, которые он изо всех сил старался преподать, и они следовали друг за другом с такой поразительной быстротой, что у меня не оставалось времени ни на что, кроме грубого присвоения, в то время как моя память была призвана поспешно сохранять их для более зрелого рассмотрения и размышления. Сколько пищи для спокойного пищеварения я получил таким образом, у меня даже не было времени подумать, хотя, несомненно, это было в полной мере известно моему инструктору, и его уход был вызван необходимостью для меня остановиться и посмотреть, как далеко я

продвинулся в пути паломничества знаний с того момента, где я впервые познакомился с ним. Во всяком случае, моей первой мыслью, когда я остался один, было то, что ничто не может быть для меня более желанным, чем единственная возможность, которая теперь находится в пределах моей досягаемости.

В прежней жизни, когда моя душа желала предаться величию Бесконечности, а тихая страна лежала вне моей досягаемости, я обращался к Вестминстерскому аббатству, окруженному несравненной красотой его нефа, где камень и гармония, поэзия и архитектура, симметрия и история сливаются в таком бесподобном замысле, отбрасывают ограничения по ветру и взмывают ввысь на крыльях священных ассоциаций, омывших аббатство, словно благословение. Я не просил ни одного проповедника направлять мои мысли, так как воспоминания о тысячелетии звучали за кафедрой моей груди; Я не искал ни хора, ни органа, потому что в арках и трифории задержались гулкие каденции *Jubilate* и *Miserere*, спетые благочестивыми монахами в прошлые века. Я не хотел присоединяться ни к какой общине, кроме тех великих и благородных примеров, чьи тела лежали у меня под ногами. Один в таком безмолвном величии, в присутствии покоя смерти, где солнечные лучи, падающие в окна фонаря, казались лестницами, сброшенными ангелами, по которым души святых могли подняться на небо, мое сердце было свободно, чтобы полностью исповедоваться и услышать отпущение

грехов нашептыванием в тишине этого молитвенного дома.

Может быть, в некоторые из этих периодов мечтаний и отречения Евсем нашел место среди ангелов и духов-служителей, невидимо окружавших меня; или, возможно, когда он размышлял о многих вещах, которые я не мог понять, с мантией ночи вокруг меня и балдахином звезд над головой, он, возможно, поднял одну из моих многочисленных молитв о свете и руководстве, и таким образом, усвоил привычку моего общения души с аксессуарам, наиболее подходящими для этого состояния ума. Кто может сказать? Может быть и так; или, с другой стороны, это может быть следствием того естественного приспособления всего друг к другу, о котором я говорил. Что бы это ни было, одно несомненно; желание созерцания и открытие одного места, наиболее подходящего для усиления моего желания, были одновременными открытиями.

Я сказал, что это была роща или аллея, идущая под прямым углом от тропы, по которой мы шли; пологий спуск длинной в милю или более, образованный величественными деревьями, посаженными так, что их ветви нежно обнимали друг друга. Над головой крыша, более изысканная по архитектурной красоте, чем даже крыша Вестминстера, - листья, как прозрачное стекло, придавали дополнительную мягкость солнцу, когда они пропускали свои лучи в святилище, которое ухаживало за мной. Изумрудный ковер отражал славу, которая казалось, выражала приглашение войти и собрать

урожай отложенной надежды, и пожинать стократные плоды всех вздохов и молитв, которые не встретили отклика на земле.

Это приглашение было слишком долгожданным, чтобы я отказался от него, поэтому я свернул с открытого пути в мягкое убежище мелодии и покоя. Листья над моей головой шумели ритмичными колыбельными песнями, цветы у моих ног обрели голос и ласкали мою душу любовными песнями ароматов; вдалеке я слышал каскады воды, добавлявшие к гармонии свою мягкую и освежающую музыку, а расппевающие ноты крылатых певцов впервые заставили меня осознать тот факт, что птицы, как и люди, находят в раю продолжение своего земного существования.

Роца проходила по центру того, что можно было бы назвать садовым парком, обильно заросшим большими и роскошными деревьями, несколько невысокими по сравнению с самой аллеей, но с далеко раскинувшимися рукавами, похожими на дубы или каштаны, под которыми росли прекрасные клумбы, цветы или мхи, на которых возлежало множество людей. Многие другие ходили взад и вперед той вялой, осторожной походкой, которая естественно принимается в первые дни упражнений после болезни; другие отдыхали на многочисленных скамьях, разбросанных по траве, как будто их силы еще не восстановились настолько, чтобы можно было ходить, но они так отдохнули, что черпали первую бодрость от живительного аромата бриза, который обмахивал

их. Весь вид этого места напоминал дом для выздоравливающих, и я не мог усмотреть никакой неуместности в мысли, что такие места могут служить полезной цели утомленным и обремененным отношениями с земными душами, чтобы отдохнуть и восстановиться после прострации прерывистой лихорадочной жизни. Возможность этого обрадовала меня, а также дала больше пищи для размышлений; и, увидев под ветвями широко раскидистого дерева пустырь мха, я бросился на него, не задумываясь о правильности и уместности этого поступка, и предался созерцанию.

Я не могу сказать, как долго продолжалась моя мечта, или что направление моих мыслей было очень определенным и последовательным. Я очень хорошо осознавал тот факт, что отдыхал; Я не просто наслаждался одним из тех кратких передышек переутомленных сил, которые требовались для восстановления сил и которые так часто навязывались мне в прошлой жизни, но я был полон чувства возвращающихся сил и молодости, неся с собой сначала внушение, а затем постоянно росла уверенность, что катушка жизни как бы быстро поворачивается вспять и что ко мне восстанавливается крепкое здоровье, угасавшее столько лет. Это был удивительный, восхитительный опыт, и я отдался ему с готовностью и благодарностью. Я лежал в полузаколдованном состоянии; каждое мгновение приносило новые ощущения, и казалось, во мне вот-вот раскроются тысячи способностей, о которых я раньше не подозревал и даже не мечтал. Возникли

странные чувства, как будто рвались ленты, отступали ограничения; и моя душа росла, расширялась и радовалась своей вновь обретенной свободе.

Я больше не чувствовал себя жертвой обстоятельств, ибо все противоборствующие влияния были убраны, и что-то нашептывало, что их отсутствие не было временным прекращением борьбы, но что я добился окончательной и полной победы. Состояние ума, порожденное всеми этими откровениями, не может быть ни описано, ни оценено теми, кто не прошел через блаженный опыт. Каждая клеточка моей души старалась впитать всепоглощающее откровение; все пути в моем несовершенстве все еще жаждали жизнеутверждающего потока, переполнявшего меня; Каждая клеточка моего тела трепетала от приятных новых функций, которые она была призвана выполнять. В то время как я был таким образом наполовину опьянен изысканными удовольствиями, в которых я купался, самый воздух, игравший вокруг меня, казалось, был населен сотней волшебных голосов, которые кричали: «Доверься, доверься!» и без всякого отвращения бросился я в бесстрашной отдаче в их объятия и потерял сознание в омолаживающем сне рая.

Я понятия не имею, как долго продолжался этот сон, поскольку время в этой новой жизни измеряется достигнутым результатом, а не оборотами солнца или циферблата. Все, что я могу сказать, это то, что когда я проснулся, я обнаружил, что все превращения, которые вызвали сон в их на-

чале, были завершены. Морщины с моего лица сгладились как будто поцелуями, серебряные пряди в волосах исчезли; источник усталости во мне иссяк; в то время как все новые силы и способности так слились в моем существе, что, хотя остались те же старые сознание и воспоминания — та же индивидуальность с ее любовью, ее надеждами и стремлениями, — я в равной степени осознавал, что новые и расширенные таинственные влияния, действовавшие на меня, добавили мне природы — природы, неуязвимой как для усталости, так и для разочарования.

Возможно, в этот момент произошел один из самых странных событий в моей жизни. Едва я пробудился от силы этого сна, как почувствовал, что что то покидает меня и больше никогда не вернется. Откуда мне это было известно, я не могу сказать, но несомненность этого факта нельзя было отрицать. От меня уходили боль, сомнение, разочарование и сотни других земных ощущений, с которыми мы знакомы как со свойственными телу, от которых не легко оторваться, и расставание приносит с собой некоторую степень удовлетворения. Но Сон бывает разным. Это самый испытанный, и безусловно, самый постоянный друг, которым может обладать бедное человечество. Его грудь — подушка, на которой каждая голова может спокойно лежать в усталости; его руки никогда не полны, и каждый отверженный бродяга всегда уверен в его ласке.

В своем неуважении к людям через сон приближаешься

к характеру Божию больше, чем через любой другой атрибут земли: святой и грешник, расточительный и бережливый, распутный и благоразумный получают от сна равное приветствие. Он не имеет власти судить, и верный порученной ему работе, приветствует в своем доме как убийцу, так и его судью, соперничающие армии соперничающих народов, преследуемых и охотников, и предлагает им отдохнуть под своей надежной защитой без всякого страха.

Сон не возвращался снова и снова, чтобы защитить дело скорбящих, и стоя у ворот Смерти, являет силу, которая заставляет сдаться, и держит ворота приоткрытыми, когда мертвые и живые снова встречаются в общении, освященном разлукой. Это и гораздо больше, он был для меня; и из всех моих земных друзей сон был самый дорогой друг; и в момент моего пробуждения я сознавал, что он убирает свою руку от моей, и я никогда не должен был больше схватить ее.

Во всех перипетиях жизни сон был моей верным спутником, единственным, насколько мне не изменяет память, который никогда, ни в одном случае не покидал меня.

Но нет, мы расставались. Он достигл предела своих владений, и мой путь лежал вперед через будущее без горизонта, заката или рассвета. В такой жизни не было нужды в Сне. Странно или может чудесно, что я уговариваю угасающее ощущение задержаться на прощание. И все же мне не было жалко расставаться с таким испытанным и приятным обществом; это ознаменовало этап восхождения по лестнице

жизни. Я был благодарен за услугу, которую он мне оказал, но недавно обретенные силы овладевали мной, и я стремился сохранить возможности, которые они давали в пределах моей досягаемости. Поэтому мы расстались с искренним желанием, чтобы каждая нуждающаяся душа нашла его таким же верным и утешительным, какой он был для меня, и когда они, в свою очередь, тоже расстанутся с его приятной компанией, чтобы он был с ароматными воспоминаниями, которые я буду продолжать лелеять.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.